
18+
Не такой
Не ЛЯКОН
Юрий Юрьев
Книга четвёртая

Юрий Юрьев

Не такой. Книга четвёртая

https://litres.ru/74958379
ISBN 9785007174480

Аннотация

По просьбе полковника Трошина вместе с семьёй Копыловых я выезжаю в город Светловск. Главного чекиста города смущают таинственные самоубийства двух его сотрудников, и ему нужен человек, обладающий необычными способностями. Кто же заставил молодых мужчин сделать этот роковой шаг? Не стоит ли за этими смертями тень предателя, работающего на иностранную разведку? С этим мне и нужно будет разобраться, а заодно и помочь Наталье Копыловой найти свою любовь.

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 29
Глава 4 42
Глава 5 56
Глава 6 75
Глава 7 89
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Не такой
Книга четвёртая

Юрий Харлампиевич Юрьев

Все герои и персонажи книги выдуманы автором, всякое совпадение имён и фамилий является случайным

Дизайнер обложки Анна Александровна Скрипаль

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2026
© Анна Александровна Скрипаль, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-7448-0 (т. 4)
ISBN 978-5-0067-0447-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1

Город Зарецк, май 1972 года

— Доброе утро, дочка! — поздоровался Сергей Кузьмич Копылов, не спеша входя в гостиную, где всё было готово для принятия пищи.

Крупный мужчина пятидесяти двух лет с грустным, задумчивым лицом, тронутым морщинами, был одет в светлые льняные брюки и майку. Он не спеша прошёл к окну и, отодвинув стул, грузно опустил на него своё немного обрюзгшее за последнее время тело.

— Доброе утро! — ответила Наталья Копылова, бросив на отца сочувственный взгляд.

Она была на две головы ниже Сергея Кузьмича и вообще телосложением, видимо, пошла в свою мать, скоропостижно скончавшуюся два года назад. С тех пор, чтобы проявить заботу об отце, Наталья в каждый свой выходной всегда занималась приготовлением завтрака для себя и отца. Вот только выходные у неё выпадали не очень часто. Работа в особом отделе КГБ, который с самого образования назвали «Осот», требовала от каждого служащего в нём офицера, и от Копы-

ловой в частности, полной самоотдачи и преданности. Выход на службу по воскресеньям, командировки в разные уголки нашей необъятной страны были для Натальи уже привычным делом. Конечно, Сергей Кузьмич, как любой военный, пусть и бывший, был вполне самостоятельным человеком и в отсутствие дочери прекрасно справлялся с приготовлением пищи и с прочими домашними делами. Тем не менее, в свой выходной Наталья всегда старалась ему помочь, а также отвлечь от тяжёлых воспоминаний ничего не значащими разговорами.

Увидев, что отец занял своё место, женщина быстро сходила на кухню и принесла горячий противень с творожно-рисовой запеканкой. Поставив его на деревянную подставку в центре кухонного стола, разлила по чашкам тёплое молоко. Запеканка получилась аппетитно-румяной с приятным ароматом ванили и корицы. Именно такую частенько пекла её мать, и именно такую любил отец. Аккуратно придерживая салфеткой край противня, Наталья порезала ещё дышащую паром выпечку на несколько кусков, одновременно поглядывая на Сергея Кузьмича. Несмотря на то, что его возраст всего лишь немного перевалил за пятьдесят, выглядел он лет на десять старше. Скоропостижная смерть любимой жены и верной спутницы жизни, с которой он прожил без малого тридцать лет, заметно подкосила здоровье подполковника воздушно-десантных войск в отставке. Его некогда круглое лицо удлинилось, щёки впали, носогубные складки углуби-

лись ещё больше, а зачёсанные назад волосы стали реже и совсем побелели. Онкология в считанные месяцы сожрала полную сил и энергии женщину, которая была на три года моложе своего мужа, и обратной стороной беспощадно ударила по здоровью самого Сергея Кузьмича. Хотя это печальное событие и произошло уже больше года назад, Копылов до сих пор так и не смог оправиться от постигшего его горя.

Перехватив грустный взгляд отца, Наталья улыбнулась. Она всячески старалась поддержать своего единственного на данный момент близкого человека, но изображать из себя беззаботную и счастливую женщину и дочь ей тоже было непросто. После всего произошедшего в Красноярском крае, после встречи с Иваном, который, словно тот самый Тунгусский метеорит, вихрем ворвался в её жизнь, а потом так же внезапно исчез навсегда, её сердце было омрачено печалью не меньше, чем отцовское.

Нынешнее майское утро тысяча девятьсот семьдесят второго года было солнечным, день обещал быть таким же ясным и тёплым, но на душе у каждого из членов семьи Копыловых по-прежнему было пасмурно и тоскливо.

— Как дела на службе? — без особого энтузиазма спросил Сергей Кузьмич, наблюдая за тем, как дочь раскладывает по тарелкам свежеиспечённую запеканку. Он взял в руки вилку с ножом и, отрезав небольшой кусочек, положил себе в рот. Этот вопрос он задавал почти каждый день и каждый раз слышал всегда один и тот же ответ.

— Нормально, — как можно беззаботнее ответила Наталья, тоже присаживаясь с противоположной стороны стола.

В будние дни они обычно ели на кухне и лишь в воскресенье, как сегодня, или в праздники Копылова, придерживаясь заведённой матерью традиции, всегда накрывала стол в гостиной. Запеканка, как всегда, получилась вкусной и рассыпчатой. Некоторое время отец и дочка ели молча, думая каждый о своём и запивая пищу тёплым молоком. Проглотив очередной кусок выпечки, Сергей Кузьмич поднял на Наталью задумчивый взгляд.

— Ты так похожа на свою мать, — тихо произнёс он, вглядываясь в лицо дочери, усыпанное веснушками. — Вот и готовишь так же, как Ириша…

Наталья не нашла что ответить, поэтому просто спросила:

— Добавки положить?

— Нет, спасибо. Ты же знаешь, что я много не ем. Не те уже годы, чтобы набивать брюхо до отказа.

— Ой, папа, ну какие твои годы? — полушутя возмутилась Наталья. — Что ты каждый раз одно и тоже… Тебе всего лишь пятьдесят два, ещё жить да жить… Я понимаю тебя… Мне тоже маму жалко, но жизнь ведь продолжается… Вот бери пример хотя бы с дяди Кости…

— Да, кстати, чуть не забыл, — прервал Сергей Кузьмич дочкин поучительный монолог. — Он же мне звонил вчера вечером.

— Дядя Костя?! — спросила Наталья, и сама удивилась

тому, что невзначай вспомнила Константина Ильича Трошина — давнего товарища отца. Будучи ещё молодыми парнями, они подружились во время учёбы в военном училище. Оба коренастые, косая сажень в плечах, Костик с Сергеем со временем стали друзьями не разлей вода. Однако во время войны их дороги разошлись. Сергею Копылову не раз приходилось побывать за линией фронта, десантируясь с отрядом бойцов для выполнения диверсионных работ в тылу врага. При выполнении одного из заданий в партизанском отряде, будучи тогда ещё лейтенантом, он и познакомился со своей будущей женой Ириной. Трошин же попал на службу в НКВД. Сейчас он, дослужившись до звания полковника, занимал пост начальника отдела в городе Светловске УКГБ СССР по Московской области, и общались они с отцом очень редко.

— Да, дядя Костя, — кивком подтвердил Сергей Кузьмич.

— И как он там поживает?

— Да нормально, — буркнул Копылов, не желая вдаваться в подробности жизни товарища, и сразу перешёл к главному. — Вообще-то он интересовался тобой.

— Мной?!

Сергей Кузьмич не ответил на восклицание дочери. Он помолчал немного, соображая, как продолжить разговор. Чтобы не показать свою неуверенность, положил в рот ещё один кусочек запеканки и, тщательно её пережевав, запил глотком молока.

— Ну, не совсем тобой, — наконец промолвил он. — Скажи, а у вас, ну, на твоей работе, есть кто-нибудь, обладающий необычными способностями?

Вопрос застал Наталью, можно сказать, врасплох. Она положила на стол нож и вилку и бросила на отца удивлённый взгляд. Копылова никогда не рассказывала ему чем конкретно занимается на службе. Во-первых, потому что их отдел был не только особым, но и секретным. Даже самые близкие родственники не должны были знать, в чём заключается работа «Осот». Во-вторых, отец был убеждённым материалистом, как-никак член партии с сорок четвёртого года. Всякая мистика, магия и прочий оккультизм были для него чужды и в лучшем случае могли вызывать в нём лишь снисходительную скептическую улыбку. Дочку они с матерью тоже воспитали в том же духе. Маленького роста, добрая и отзывчивая девочка, Наташа Копылова, с первого класса средней школы была отличницей и примерной школьницей. Она с удовольствием и с гордостью носила пионерский галстук, а когда подошло время, сменила его на комсомольский значок. Ещё не так давно ей и в голову не могло прийти, что произведения Гоголя, которые она с удовольствием читала в юности, и в которых говорилось о всякой там нечистой силе, являются не просто фантазией писателя, а скрытой стороной реальной жизни. Однако, по воле случая попав в «Осот», молодой женщине пришлось кардинально пересмотреть свои взгляды на жизнь и на мистику в частности. Теперь для неё такие

слова, как «колдун» или «ведьма», были так же естественны, как слова «научный работник» или, например, «парикмахерша».

— Папа, ты можешь конкретно сказать, что нужно дяде Косте?

Отставной подполковник тоже отложил столовые приборы в сторону и вытер полные бледные губы салфеткой. Смущённо опустив глаза в стол, он произнёс:

— Понимаешь… Он говорит, что у них в управлении происходит что-то непонятное… Говорит, прямо мистика какая-то…

— И что же там такого мистического? — Наталья постаралась сдержать ироническую улыбку. Уж чего-чего, а такие слова услышать от отца она никак не ожидала.

— За последние полгода у них при загадочных обстоятельствах умерли два человека.

— К сожалению, даже специалисты не всегда могут достоверно определить причину смерти, — ухмыльнулась женщина. — И мистика, мне кажется, здесь вовсе не при чём. В наше время существует довольно много способов, чтобы отправить человека в мир иной, не оставляя при этом никаких следов.

— Возможно, ты и права… — не стал спорить Сергей Кузьмич. — Но Костя…

— Ладно, хорошо… И что же дядя Костя хотел от меня?

— Наточка, ты мне ведь никогда не рассказывала, в чём

заключается твоя работа… Видимо, Костя осведомлён лучше, чем я.

— Понятно, — вздохнула Наталья. — Когда силёнок раскрыть преступление не хватает, тогда люди готовы поверить и в чёрта и в магию, лишь бы не лишиться погон.

— Напрасно ты так, дочка, — укоризненно произнёс Сергей Кузьмич. — Ты же хорошо знаешь Трошина. Он никогда не цеплялся за кресло руководителя. Если бы там действительно было всё так просто, он ни за что бы мне не позвонил и, тем более, не стал бы просить тебя о помощи.

— Ладно, пап, извини… Просто настроение что-то сегодня не очень хорошее.

— Да у тебя, как я погляжу, с тех пор, как ты приехала из Сибири, вообще хорошего настроения не бывает. Может, ты там влюбилась? — отец бросил на дочку проницательный взгляд. Копылова опустила глаза в тарелку, в которой так и остался лежать кусочек недоеденной запеканки, а её щёки предательски покраснели. — Ты мне ведь и про эту свою командировку тоже ничего не рассказывала. Я, конечно, понимаю, что секретность и всё такое, но я же не чужой человек. Со мной-то можно хотя бы поговорить о том, что тебя тяготит.

— Да нечего рассказывать, пап, — вновь отмахнулась Наталья. — Ну, был там один мужчина…

— Вот видишь, значит, я прав? Может, тебе совет нужен? У меня ведь жизненного опыта чуток поболее, чем у тебя.

— Па, давай лучше о деле… Ты мне так и не сказал, что конкретно хочет дядя Костя?

— Ну да, ну да… — вздохнул Сергей Кузьмич. — В общем, он сказал, что в вашей организации должен быть какой-то мальчишка. Я так толком и не понял, что конкретно Трошин от него хочет, но, видимо, он думает, что этот ваш пацан поможет ему каким-то образом расследовать те загадочные смерти его сотрудников.

— Интересно… — задумчиво произнесла Наталья. — Значит, слухи о Витиных способностях долетели уже и до Светловска.

— Витя, это кто такой? — поинтересовался отец.

— Это и есть тот самый, как ты говоришь, пацан. Мальчишка с необычными способностями. Что ж, ладно… Раз дядя Костя просит, то нужно ему помочь. Завтра я поговорю с Поленовым. Ты же понимаешь, что сама я не могу решать такие вопросы, тем более, если дело касается ребёнка.

— А ты часом не в детском доме работаешь? — хмыкнул Сергей Кузьмич.

— Да нет. Витя у нас там такой в единственном экземпляре. К сожалению, — добавила Наталья.

— Хорошо, так что мне сказать Косте, если он позвонит?

— Так и скажи, что нужно согласовать с начальством. Кстати, — Наталья уже хотела вставать из-за стола, но задержалась, — а почему дядя Костя сам не обратится к Поленову? Что это у него за способ такой: через семь колен и три

переулка?

— И как ты себе это представляешь? — ухмыльнулся отец. — Полковник госбезопасности будет официально просить разрешения на то, чтобы в расследовании принял участие… — он запнулся, не зная, как назвать человека с необыкновенными способностями.

— Ладно, я тебя поняла, — поторопилась помочь ему Наталья. — В общем, я завтра узнаю у начальства и тогда тебе всё сообщу.

Глава 2

Спустя два дня после разговора с отцом Наталья сидела в кафе «Шоколадница», которое располагалось в подвальном помещении одного из зданий в центре города, и то и дело поглядывала на входную дверь. Здесь витал приятный густой аромат шоколада, к которому примешивались запах ванили и свежей сдобы. Копылова прекрасно знала, что Витя Петренко не будет ничего есть, но специально выбрала именно это место, чтобы самой немного отдохнуть от повседневных забот на службе и полакомиться горячим шоколадом.

Прошло чуть меньше двух лет с того момента, как она случайно встретила в таёжном селе Марьявана пропавшего без вести Витю Петренко. Если бы не таинственная смерть Завьялова, погибшего накануне в тайге от неизвестного оружия, Наталья бы не пришла в тот день в село, чтобы сообщить о происшествии местному участковому, и не увидела бы на пожаре исчезнувшего полгода назад мальчишку. После возвращения в Зарецк она с ним больше не виделась. Витя жил в своей семье, как обычный человек, и, по словам подполковника Поленова, лишь изредка появлялся в «Осот», чтобы выполнить какое-либо его поручение. Копылова же вновь окунулась в повседневные заботы в особом отделе, и с Петренко пересечься до сих пор не удалось. Иногда она справлялась у начальника о том, как идут дела у мальчиш-

ки, но тот не любил распространяться о личной жизни агента Летуна. Что было известно Наталье наверняка, так это то, что Витя на отлично сдал выпускные экзамены за среднюю школу и стал самым молодым абитуриентом Московского государственного университета.

Вчера, обговорив с подполковником Поленовым просьбу Трошина подключить Петренко к расследованию загадочных убийств, она получила от него разрешение. Конечно, капитан Копылова была строго предупреждена о недопустимости каким-либо образом подвергать опасности жизнь несовершеннолетнего и не привлекать его к рискованным мероприятиям. Созвонившись с Витей, она назначила ему встречу в этом маленьком уютном кафе, которое так любили посещать не только дети, но и взрослые. Наталья сама не понимала, почему так волнуется в ожидании встречи с мальчишкой. Правда, возвращаясь из Красноярского края домой на поезде (Витя наотрез отказался лететь на самолёте), им пришлось провести вместе не один день. Сидя в купе, забронированном на двоих, они вели длинные доверительные беседы о жизни, о мироздании и даже о смерти. Витя оказался на редкость разносторонне развитым ребёнком, и Наталья не раз ловила себя на мысли, что беседует вовсе не с семилетним мальчиком, а со взрослым мужчиной, прожившим немало лет и многое в жизни повидавшим.

За пятнадцать минут, проведённые в кафе, Наталья уже съела порцию горячего шоколада и теперь раздумывала: не

будет ли слишком губительно для фигуры, если она съест ещё и порцию мороженого. Открылась дверь, и в помещение вошла рыжеволосая худощавая женщина, одетая в светлый брючный костюм и босоножки на низком каблуке. В левой руке она держала небольшую женскую сумочку. Это была Лариса Петренко. На вид женщине можно было дать сорок — сорок пять лет, но, несмотря на наличие морщинок на лице, она ещё вполне сохранила свою привлекательность. Вслед за ней вошёл аккуратно подстриженный белокурый мальчишка с серьёзным, не по годам, лицом. В проницательном взгляде его больших серых глаз читалась уверенность в себе, но не было ни капли надменности или превосходства над другими людьми. Витя был одет в тёмные брюки и светлую рубашку с коротким рукавом. Несмотря на возраст, у него была хорошо развитая мускулатура, что говорило о его явном увлечении физическими нагрузками.

Был будний день, посетителей в кафе было мало, поэтому вошедшие сразу приметили сидевшую в одиночестве Копылову и подошли к её столику.

— Здравствуйте, Наталья Сергеевна, — первой поздоровалась Лариса Петренко.

— Здравствуйте, — вслед за мамой повторил и я, улыбнувшись своей старой знакомой приветливой улыбкой. Кроме запаха шоколада, мой чуткий нос уловил едва ощутимый мускусный аромат духов, исходивший от капитана госбезопасности. Я даже определил, что это была «Иоланта» Риж-

ской парфюмерной фабрики. Конечно же, я вовсе не стал экспертом в этой области, просто мой отец в прошлом году решил вдруг отличиться и подарил матери точно такие же духи, уплатив за флакончик целых семь рублей.

— Добрый день, — тоже широко улыбаясь, ответила нам Наталья.

С моей матерью Копылова познакомилась как раз в тот день, когда доставила меня из моей затянувшейся командировки в Сибирь. Мама, конечно же, была на седьмом небе от счастья и ни в какую не хотела отпускать Наталью, пока та не отведает её яблочного пирога и не выпьет чашечку чая. Отец был ещё на работе. Я, конечно же, соскучился и по родителям, и по дому. В это время мы уже жили в двухкомнатной квартире с большой кухней и телефоном. Я присел вместе с женщинами, за компанию выпил стакан чая без сахара, а потом, оставив их продолжать душевную беседу, переоделся в спортивный костюм и вышел на пробежку. На вопрос матери: почему я ничего не ел, я придумал что-то более-менее правдоподобное, так как не было никакого желания пускаться в долгие объяснения о том, что пища мне больше не нужна. Однако длительная поездка на поезде, во время которой я был лишён возможности давать телу физическую нагрузку, получая взамен энергию, не лучшим образом отразилась на моём самочувствии. Мне даже приходилось время от времени пить очень сладкий чай, чтобы хоть как-то компенсировать недостаток энергии глюкозой. С пробежки я вернулся

часа через два бодрым и полным сил. К тому времени Наталья как раз уже собиралась уходить…

Когда мы присели за столик в кафе, Копылова виновато улыбнулась и, обращаясь к маме, сказала:

— Вы извините, Лариса, но нам нужно поговорить с Витей наедине, так сказать, тет-а-тет.

— Да-да, конечно, я всё понимаю. — Мать бросила на меня беглый взгляд, словно желая ещё раз в чём-то убедиться, и, повернувшись к Наталье, добавила:

— Если вы не возражаете, я посижу вон там, — она указала головой на пустующий столик в противоположном углу помещения. — Сегодня на улице довольно тепло, и я с удовольствием съела бы мороженого.

Она вопрошающе взглянула на Копылову. Несмотря на их знакомство, было заметно, что моя мамочка всё же ощущает некоторую скованность, разговаривая с сотрудником госбезопасности.

— Пожалуйста. Располагайтесь где хотите, — не стала возражать Наталья.

Когда мать ушла, я пересел на другой стул, чтобы находиться напротив Копыловой, и с любопытством взглянул на свою, можно сказать, коллегу. Я понимал, что это не просто встреча для того, чтобы поболтать, видимо, намечалось какое-то дельце. И мне было действительно интересно, почему задание будет давать не подполковник Поленов у себя в кабинете, а капитан госбезопасности Копылова в кафе. Вче-

ра, подойдя к телефону, я очень удивился, когда услышал в трубке голос Натальи. Но она не стала ничего объяснять, договорившись лишь о месте и времени встречи.

Немного отдохнув на майские праздники, я вновь принялся за учёбу. После возвращения из тайги я, конечно, не без участия Поленова — моего непосредственного шефа по службе — поступил на заочное отделение МГУ на исторический факультет. В данный момент это направление меня интересует больше, чем что-либо ещё, ну а потом будет видно… Несмотря на долгие беседы о смысле жизни, которые мы когда-то вели с моим другом Кешей, я так до сих пор и не определился чем бы хотел заниматься в этом своём воплощении. Меня интересовало многое, ведь именно для познания этого периода эволюции человечества меня и «отправил» в это время профессор Здравомыслов. Несмотря на то, что в том мире, откуда я сюда попал, у людей было неплохо развито и ясновидение, и многие другие способности, которые здесь всегда предваряет приставка «супер», никто не мог в точности описать события, происходившие две тысячи лет назад в период перехода Земли в новую эру. Ясновидящие каждый по-своему толковали события, предварявшие начало этого перехода, который окончательно произошёл в две тысячи двенадцатом году. Поэтому профессор Здравомыслов, после открытия им ретроградной инкарнации, и решил отправить меня именно сюда. Так что выбор факультета был обусловлен желанием как можно лучше разобраться в дне

сегодняшнем, а также немного покопаться и в прошлом, к которому, как оказалось, у меня тоже возникло немало вопросов.

— Чего-нибудь будешь? — по привычке поинтересовалась Наталья, хотя за время нашего путешествия из тайги домой уже поняла, что я отказался от материальной пищи и питаюсь исключительно космической энергией. Единственное, что мне нужно для подзарядки своих «внутренних аккумуляторов», так это активный образ жизни и немного чистой воды.

— Нет, спасибо, — вежливо произнёс я, уже ставшую привычной для меня фразу.

— Тогда перейдём сразу к делу, — лицо Копыловой вмиг стало серьёзным и сосредоточенным. — На днях со мной связался некто Трошин — полковник госбезопасности из второго главного управления.

Женщина замолчала, вопросительно глядя на меня. Я кивнул, давая понять, что знаком со структурой аппарата КГБ. Насколько я знал, второе управление занималось контрразведкой.

— Константин Ильич Трошин — хороший друг моего отца, — продолжила рассказ Наталья. — Проживает в городе Светловске Московской области. — Я вновь кивнул. Название города мне было тоже знакомо. — Так вот, у них там происходят странные, я бы сказала даже, загадочные вещи… За короткий промежуток времени у них в управлении умер-

ло два сотрудника. И это были вовсе не старые люди. Здоровые мужчины в полном рассвете сил ни с того ни с сего вдруг умирают у себя дома.

— И что, никаких следов?

— В том-то и дело, что никаких… Мало того, незадолго до смерти они, во всяком случае второй точно, рассказывали своим сослуживцам, что по ночам им начали сниться кошмары. Опять же со слов сослуживцев, эти мужчины с каждым днём становились всё более рассеянными, более агрессивными и главное — чем-то напуганными. Они явно чего-то боялись. Это, возможно, осталось бы незамеченным, работая они где-нибудь в другом месте. Но сам понимаешь, КГБ — это не та структура. Первый погибший до того как умер, в общем-то, особенно не привлёк к себе внимания. Но вот, заметив изменение в поведении ещё одного сотрудника, за ним было установлено наблюдение — подозревали в вербовке иностранной разведкой. Однако слежка ничего не выявила, а сам подозреваемый откровенничать не стал. Через небольшой промежуток времени его супруга сообщила, что муж застрелился.

— А как умер первый?

— Первый выбросился из окна.

— Может, гипноз? — предположил я. — ЦРУ здесь точно никаким боком не замешано?

— По первому случаю Трошин затрудняется ответить, так как смерть произошла неожиданно и отследить все контак-

ты и перемещения погибшего сотрудника уже было невозможно. Но вот по второму эпизоду полковник даёт девяносто процентов, что ЦРУ не проявляло никакой активности. За сотрудником уже было установлено наблюдение…

— И всё же десять процентов остаётся, — произнёс я, мысленно анализируя, предоставленные мне, факты. — Погодите! — вдруг встрепенулся я от пришедшей в голову догадки. — Вы говорите Светловск?

— Ну да, — удивилась Копылова.

— А не в этом ли городе находится спецтюрьма?

— Да… есть там такая…

— Интересно, — я улыбнулся своей собеседнице таинственной улыбкой. — А вы не сможете, прежде, чем мы приступим к этому загадочному делу, что-нибудь разузнать про Лиду Саенко?

— Лида Саенко? Это, если мне не изменяет память, бывшая воспитанница нашего специализированного интерната? Девчонка с аномальной склонностью к убийствам?

— Она самая. — Я не стал уточнять, что Лидочка ещё и рептилоид.

— Хорошо, я постараюсь узнать, — пообещала Копылова. — Возможно, нашему отделу доступна секретная информация такого уровня. Кстати, а почему ты про неё вдруг вспомнил? Думаешь, что она находится в этой тюрьме и между ней и этими убийствами может быть какая-то связь?

— Пока ничего не могу сказать… Слишком мало данных.

Так каковы наши действия на ближайшие дни? — я вернул разговор в прежнее русло.

— У тебя получится в течение недели подтянуть все свои дела по учёбе? — Копылова достала из сумочки календарик. — Сегодня у нас одиннадцатое мая, четверг… Ну, вот, скажем, к концу следующей недели успеешь?

— Нет ничего невозможного, — улыбнулся я.

— Тогда давай, грызи гранит науки, а я пока займусь оформлением командировки в Светловск и уточню всё, что возможно, по этому делу.

— Идёт… — я уже было хотел вставать из-за стола, но что-то меня остановило. Внимательно посмотрев на свою собеседницу, я спросил: — Наталья Сергеевна, я вижу, что вас что-то беспокоит… Не поделитесь?

— Тебе показалось. — Щёки Копыловой привычно покраснели. — У меня всё в порядке.

— Наталья Сергеевна, вы совершенно не умеете врать… К тому же вы забываете про мои способности…

— Да что ты… — женщина, видимо, хотела одёрнуть меня за то, что лезу в её личную жизнь, но как-то вдруг обмякла, а в глазах заблестели слёзы. — Ты говорил, что встречался с Иваном, — чуть слышно произнесла она.

— С Иваном Савельичем? Да, встречался.

— Не знаешь, что с ним могло произойти? Почему он так внезапно исчез?

В голову своей собеседницы я по этическим и кармиче-

ским соображениям не влезал, но о причине скрываемой грусти этой женщины я и без этого догадался ещё по пути из Красноярска домой. Сама она тогда об Иване речи вообще не заводила, а я тоже не стал её ни о чём расспрашивать. Судя по всему, по прошествии двух лет её тоска по этому мужчине только усилилась, хотя Наталья и теперь старалась это всячески скрывать.

— Он опасался, что его могут найти те, кто уничтожил остальных парней из их группы, группы оборотней, — ответил я.

— Оборотней?! — удивлённо переспросила Копылова. — Каких ещё оборотней?

— Дело в том, что меня как раз и посылали, чтобы я опознал Ивана Савельевича, то есть обнаружил оборотня среди остального населения того района. Вы же помните, что там погибло несколько человек, и в наш отдел поступила заявка на опознание убийцы. Только ведь это, как оказалось, вовсе не Иван убивал местных жителей.

— А кто же?

— Учитель местной школы. Он уже много лет увлекался поисками тунгусского метеорита и каждое лето подолгу пропадал в тайге. Если бы не это его увлечение, то, может быть, ничего бы и не произошло. Он бы не попал во временну́ю ловушку и не стал бы медленно превращаться в зверя.

— Подожди, — перебила меня Копылова. — Это какую ещё временную ловушку ты имеешь в виду?

— Ну, это такое образное название порталов, которые разбросаны по тайге вблизи района падения того самого метеорита или что там ещё было… Эвенки их ещё называют ворота Дьявола.

После моего возвращения домой, я до сих пор никому не обмолвился о встрече с инопланетянином и делать этого не собирался. Если бы Ном хотел пойти на контакт с людьми, то сделал бы это уже давно, а так… Зачем тревожить доживающего свои последние годы жизни гуманоида. Да и прав он… Не готовы ещё люди к встрече с высшими существами.

— Но… — голос женщины дрогнул, а лицо вдруг побледнело из-за отхлынувшей крови. — Я же тоже, получается, попала в такую ловушку… Когда меня забросило за много километров от того места, где я находилась до этого. Выходит, я тоже скоро превращусь в оборотня?

— Не переживайте, — поспешил успокоить я её. Со слов Нома я знал, что на женщин эти ловушки не влияют никак, но Наталье пришлось привести другой аргумент. — Прошло уже почти два года. Если бы вы должны были превратиться в чудовище, то это произошло бы уже давно, сразу же по возвращении из тайги, а, может, даже и раньше.

— Да? — неуверенно произнесла женщина.

— Сто процентов, — улыбнулся как можно искреннее я. — А по поводу Ивана Савельича, — вернулся я к предыдущей теме, — так он жив и здоров. И, судя по всему, — я немного задумался, мысленно настраиваясь на волну со сво-

им спасителем. — Судя по всему, ему удалось легализоваться, и он теперь живёт где-то не очень далеко от нас.

— Где?! — забыв, что находится в общественном месте, чуть было не выкрикнула Копылова.

— Ну, Наталья Сергеевна, я же не Вольф Мессинг… На такие вопросы я ответить не могу. Я лишь чувствую: жив человек или нет, насколько далеко он находится от меня, могу распознать, в каком он находится душевном состоянии… Но вот вычислить его координаты я, к сожалению, не могу.

— А в каком он душевном состоянии? — ухватилась собеседница за мои слова.

Что ж, слово — не воробей… Пришлось приоткрыть тайну моего спасителя.

— Не очень у него душевное состояние, Наталья Сергеевна.

Какие эмоции отобразились на лице женщины, трудно было понять, но её настроение заметно улучшилось. С одной стороны, её не очень обрадовало то, что я рассказал об Иване Овчинникове, а с другой… С другой стороны — она прекрасно поняла, из-за кого именно страдает душа дяди Вани, а потому ей было очень приятно об этом узнать.

На этом мы закончили нашу беседу. Я видел, что мать уже давно съела порцию мороженого, а также успела полакомиться горячим шоколадом. Не зная, чем себя ещё занять, она откинулась на спинку стула и равнодушно рассматривала немного мрачноватый, как по мне, интерьер кафе.

— В общем, Витя, давай, действуй, как договорились, — сказала Копылова, вставая с места, и я услышал в её голосе совсем другие интонации, нежели те, которые звучали в начале нашей беседы. Теперь в нём слышались уверенность и оптимизм.

«Что ж, — подумал я, направляясь к маминому столику, — чем чёрт не шутит… Может, у меня получится, наконец, найти Ивана, ну, а потом и свести их вместе».

Глава 3

Скорый поезд Зарецк-Москва отправлялся вечером в девятнадцать часов. Ехать приходилось с пересадкой, так как прямого маршрута в Светловск из нашего города не было. По случаю новой командировки родители купили мне небольшой коричневый чемоданчик, в который мать заботливо сложила всё самое необходимое. Благо, приближалось лето, майские дни становились всё теплее, и мне не понадобилось брать в дорогу тёплые вещи. Несмотря на мои возражения, мама всё же настояла, чтобы я присовокупил ко всему прочему ещё и вязаный свитер. Полностью собранный чемодан стоял в моей комнате уже в воскресенье вечером, а в понедельник двадцать второго мая к восемнадцати часам мы с моей родительницей уже прибыли на железнодорожный вокзал. Отец уже давно считал меня взрослым, поэтому рьяного участия в моём воспитании не принимал. Рано утром он сухо, по-мужски простился со мной: хлопнул своей тяжёлой пятернёй мне по плечу, пожал руку и со спокойной душой ушёл на работу. Мамочка же, как обычно, сильно переживала за меня. Взяв отгул, она целый день маялась в квартире, переходя из комнаты в комнату, не зная, чем заняться, а вечером вытащила меня из дома за два часа до отправления поезда. На городском транспорте мы могли доехать до вокзала самое большее за час, с учётом того, что нужно бы-

ло делать одну пересадку. Однако, вопреки всякой логике, мамочка и здесь решила подстраховаться, остановив проезжавшее мимо такси. Без всякого угрызения совести за комфортную поездку она отдала таксисту целых два рубля, после чего мы с ней направились в зал ожидания.

Через пятнадцать минут, когда я немного привык к монотонному гулу и снующему в разные стороны народу с чемоданами, сумками, портфелями и авоськами, я уговорил маму оставить меня с вещами, а самой сходить купить что-нибудь почитать в дорогу. Перед очередным расставанием мать не хотела оставлять меня ни на минуту. Я знал, как тяжело ей каждый раз даётся разлука со мной, но и потакать её необоснованным волнениям не хотел. Тяжело вздохнув, мамочка взглянула на меня так, словно прощается навсегда, и всё же сходила ко входу в помещение вокзала. Местная администрация не стала устанавливать специальный киоск. Здесь стоял широкий деревянный стол и были изготовлены несколько стеллажей, на которых каждое утро продавщица раскладывала стопки всевозможных изданий Союзпечати, а также календарики и открытки с фотографиями известных артистов кино. Мне вовсе не было стыдно отрывать от семейного бюджета деньги на чтиво, ведь перейдя на жизнь без еды, я теперь экономил для родителей кучу денег. Мои предпочтения мать приблизительно знала, поэтому вполне предсказуемо купила майский номер журнала «Вокруг света», а также завалявшийся ещё с апреля «Юный техник». Я из лю-

бопытства бегло просмотрел «Вокруг света», и мой взгляд остановился на заинтересовавшем меня заглавии: «Роберт Тронсон. Будни контрразведчика». «Ну, прямо в тему», — улыбнулся я про себя. Жаль только, что в этом номере было уже окончание повести, начало которой было опубликовано в первых трёх номерах.

— Здравствуйте! — услышал я голос Копыловой и, захлопнув журнал, поднял голову.

Наталья Сергеевна была не одна. Рядом с ней стоял незнакомый мне мужчина. Судя по внешнему виду, ему было около шестидесяти лет. Седые волосы, болезненно худое лицо. Его некогда широкие плечи ссутулились, а позвоночник заметно изогнулся дугой. А ещё он явно похудел с того времени, как покупал себе свой костюм, потому что сейчас тот казался на два размера больше. Я ощущал, что у него недавно случилось какое-то несчастье, которое и превратило стройного и подтянутого офицера в сгорбленного старика. Быстро сравнив его лицо с лицом Копыловой, я пришёл к однозначному выводу: мужчина является её отцом. Мы с мамой ответили на приветствие.

— Разрешите представиться, — произнёс спутник Натальи Сергеевны. Несмотря на внешний вид, голос у мужчины оказался довольно мощным, как говорят, командным. — Сергей Кузьмич Копылов. Если не возражаете, то я тоже к вам присоединюсь, — мужчина вопросительно взглянул в мою сторону, а щёки Натальи после его слов заметно поро-

зовели.

«Можно подумать, от моего согласия что-то изменится, — мысленно хмыкнул я. — У самого-то уже и билет, наверное, имеется в наше купе». Вслух же я ответил:

— Нет, конечно.

— Вот и хорошо, — сдержанно улыбнулся старик. — Решил вот навестить своего старого друга, — пояснил он причину своей поездки в Светловск. — Когда ещё свидимся в следующий раз…

В отличие от моей суетливой матери, в Сергее Кузьмиче чувствовалась военная пунктуальность и собранность. Не успели мать с Натальей перебросится несколькими фразами, как по станционному громкоговорителю женский голос, немного искажённый аппаратурой и эхом помещения, сообщил о постановке состава на первую платформу. Мы взяли свои вещи и направились к выходу из здания вокзала. Пока мы выходили на улицу и продвигались к своему вагону, у меня появилось стойкое ощущение, что за мной кто-то следит. Последний раз я испытывал аналогичное чувство ещё в тайге Красноярского края, когда за мной наблюдал зонд пришельцев. Я даже повертел головой по сторонам, инстинктивно пытаясь отыскать глазами, парящую где-нибудь поблизости, чёрную одноглазую птицу.

— Ты кого-то ищешь? — негромко спросила Копылова, от профессионального взгляда которой не укрылись мои телодвижения.

— Да нет, всё в порядке. Так… показалось.

Не увидев ничего и никого подозрительного, я продолжил путь. Наталья Сергеевна также, будто невзначай, оглянулась по сторонам и тоже, не найдя ничего что могло бы её заинтересовать, сказала, обращаясь к моей матери:

— Ну, что, прощайтесь.

Мы как раз подошли к входу в вагон, возле которого стояла средних лет проводница в форменном костюме железнодорожника. Мать наклонилась ко мне, крепко обняла и поцеловала в обе щёки. В её глазах, вполне предсказуемо, заблестели слезинки.

— Мамуль, не расстраивайся, всё будет хорошо, — заверил я её.

— Ты хоть звони иногда, — промокая глаза платочком, произнесла она и, повернувшись к моим спутникам, добавила: — Наталья Сергеевна, вы уж присматривайте, пожалуйста, за ним.

— Не переживайте, я лично всё проконтролирую, — вмешался в наш разговор Сергей Кузьмич.

Через пять минут мы уже расположились в купе, которое было забронировано специально для нас троих. Мне уступили место у окна, и я, прислонившись лбом к прохладному стеклу, смотрел на мать. За девять лет я так привык к своим вторым родителям, что почти не вспоминал о моих настоящих — тех, которые остались в будущем, в далёком четыре тысячи двадцать третьем году. Правда, делить родителей на

настоящих и ненастоящих — было бы неправильно. Из-за сложного эксперимента по регрессивной реинкарнации получилось, что фактически я был рождён дважды. Так что, как ни крути, но у каждой матери были на меня одинаковые права.

Мама Лариса взирала на меня печальным взглядом, то и дело прикладывая платочек то к одному, то к другому глазу. Чтобы немного её приободрить, я как можно веселее улыбнулся ей. Она попыталась мне ответить, но её улыбка получилась какой-то страдальческой и грустной. Улыбались одни губы, в то время как глаза были полны печали и тревоги.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль громкоговоритель вновь произнёс что-то неразборчивое, вагон едва заметно дёрнулся и начал плавно набирать ход. Мать, всё это время стоявшая у нашего окна, так же, как и другие провожающие, замахала на прощание рукой и сделала вслед за вагоном несколько шагов. Я успел заметить, как она ещё раз смахнула с глаз слезинки, послал ей воздушный поцелуй и потом некоторое время пялился сквозь стекло, наблюдая, как мелькают за окном люди, здания, столбы, семафоры… Когда мне всё это надоело, я откинулся на жёсткую стенку купе и обвёл взглядом своих попутчиков. Наталья уже успела переодеться в спортивный костюм (я слышал, как она куда-то выходила), а Сергей Кузьмич лишь снял пиджак. Теперь они оба, сидя напротив, изучающе смотрели на меня.

— Я попросила проводницу принести чай, — сказала Ко-

пылова, переводя взгляд на отца. — Может, ты немного поешь?

— Спасибо, дочка, я сейчас не хочу. Вы ешьте, не смотрите на меня. Вы молодые, вам нужно хорошо питаться.

Мужчина взглянул на меня, потом, судя по выражению лица, что-то прикинул в уме. Не нужно было быть прорицателем или ясновидящим, чтобы не понять ход его мыслей. Он, конечно же, заметил, что у меня, кроме чемодана, который я, так же как и Копыловы, положил в багажный отсек под сиденьем, больше ничего не было. Но в чемодане, ясное дело, никто еду носить не будет, а, следовательно, по логике рассуждения нормального человека, заботливые родители даже не удосужились собрать ребёнку в дорогу какой-нибудь захудалый тормозок? Копылова, также расшифровав взгляд отца, улыбнулась одними губами, а я, чтобы не пускаться в длинные рассуждения о своём образе питания, сказал:

— Я дома наелся так, что не продохнуть, а вот чайку с удовольствием выпью.

Про себя же подумал, что если мы будем жить в гостинице вместе с отставным полковником, то мне всё равно придётся как-то объяснить ему своё нежелание есть. Но это будет потом, а сейчас у меня почему-то не было никакого настроения разводить дискуссию. Выпить сладкого чая я согласился по одной простой причине: до приезда в Москву у меня не будет возможности каким-либо образом физически нагрузить организм. Следовательно, необходимую для жизни энергию

снова придётся пополнять за счёт глюкозы.

В дверь купе деликатно постучали. Это пришла проводница, та, что проверяла у нас на входе в вагон билеты. Она принесла три стакана свежего чая и шесть маленьких упаковочек сахара рафинада, по два кусочка в каждой. Стаканы были вставлены в простенькие алюминиевые подстаканники, а на обёртках рафинада нарисован красивый поезд. Уходя, проводница забрала у Натальи билеты, пожелала приятного чаепития и сказала, что чуть позже принесёт постельное белье. Всё это было мне знакомо по поездке из Новосибирска, вот только тогда сервис был гораздо хуже. Особое отношение проводницы к нашей небольшой группке я заметил сразу после того, как она увидела номера наших мест и поняла, в каком именно купе мы будем ехать. Не иначе, как это купе было забронировано организацией, которую сотрудники между собой обычно называли «Конторой».

Поблагодарив вежливую проводницу, мы приступили к чаепитию. Насыщенный красно-коричневый цвет напитка говорил о том, что проводница не пожалела хорошей заварки, да и на вкус чай оказался гораздо крепче, чем обычно подают в местах общественного питания. Я закинул в стакан сразу все четыре кусочка сахара (в прошлой поездке нам давали только по два, так что моей сопровождающей пришлось покупать сахар дополнительно), чем заслужил от ветерана одобрительный взгляд. Сергей Кузьмич, видимо, вообще был сладкоежка, так как последовал моему примеру.

Наталья, то ли из солидарности с нами, то ли из-за боязни потолстеть, тоже не стала есть более плотную пищу, захваченную из дома. Она достала из сумки лишь пачку печенья и съела вприкуску с чаем пару печенюшек. Свой сахар она отдала мне, и я его тут же закинул к себе в стакан.

— Наталья Сергеевна, так вы что-нибудь узнали про ту девчонку, о которой мы с вами говорили? — аккуратно поинтересовался я, помешивая ложечкой в стакане. Я не знал, насколько моя нынешняя начальница посвящала в свои дела отца, поэтому старался говорить намёками. Так, чтобы о сути вопроса могла догадаться лишь она одна. Сергей Кузьмич понял мой вопрос по-своему. Услышав, что мальчишка интересуется какой-то девочкой, он лишь снисходительно усмехнулся, давая понять, что ему всё ясно, и, ничего не сказав, деликатно отвернулся к окну.

— Да, собственно, мне и нечего о ней рассказать, — Копылова оторвала задумчивый взгляд от стакана с чаем и посмотрела на меня. — Всё, что я узнала, — так это то, что она действительно живёт там, где ты и предполагал. — Наталья приняла условия моей игры и тоже предпочла говорить обтекаемо. — Единственная странность, о которой я прочла в сводке, — это то, что девочка очень быстро, я бы даже сказала, аномально быстро, повзрослела за последнее время. Если бы ты заглянул к нам на работу, то мог бы взглянуть на её фото. Выносить его, сам понимаешь, мне никто не разрешит.

Я кивнул в знак согласия.

— Ну, а своими словами можете её описать?

— В свои девять лет она выглядит на все семнадцать. Голубоглазая блондинка с длинными кучерявыми волосами. Симпатичная. Тонкие бровки, пухлые губки, красивые выразительные глаза… — Копылова на несколько секунд задумалась, а потом продолжила: — Только, как по мне, так эти глазки светятся вовсе не всеобъемлющей любовью к окружающим. У неё, скорее, взгляд коварного хищника, затаившегося в засаде и готовящегося к решающему смертельному прыжку.

Я очень даже хорошо представил образ, который описала Наталья. Слушая её, мне вдруг припомнился сон, который я видел, ещё находясь в тайге, и в котором Лидочка говорила о том, что авария с самолётом — это её рук дело. Тогда я списал этот сон на своё разыгравшееся воображение, но вот теперь… Теперь я прекрасно понимал, что девчонка вполне могла всё это устроить. Раньше Лидочка всё же побаивалась кармических последствий за свои поступки и только лишь добивала тех, кто пострадал от моих или чьих-то ещё магических воздействий. Судя по всему, пожив много лет в одиночестве, взаперти, изолированно от всех людей, этот рептилоид вполне мог озлобиться на всё человечество. Наплевав на все законы кармы, Лидочка могла просто взять и уничтожить любого, кого посчитает опасным или ненужным для себя. Вряд ли она отказалась от накопления дополнительной некроэнергии, которая давала возможность обрести ещё

большую силу. Когда-то моя бывшая подружка уверяла, что эта энергия ей нужна для возвращения назад в будущее. Но где гарантия, что она говорила правду, а не врала мне, как делала это довольно часто? А что если ей эта энергия нужна совсем для других целей? Какие планы вынашивает это внеземное существо, чего оно может ещё придумать такого, от чего волосы могут встать дыбом?

В то, что Лидочка, наконец, образумится и в будущем сможет стать порядочной советской гражданкой, мне не верилось ну ни капельки. «А она ведь, пожалуй, будет пострашнее того монстра, с которым мне пришлось схлестнуться в Марьяване, — размышлял я. — То чудовище было вполне предсказуемо. Оно жаждало крови и плоти и не скрывало своего желания. Но вот какие потаённые мысли и желания могут родиться в прелестной головке Лидочки, одному Богу известно». Даже я со своими способностями не мог влезть в её головку, чтобы разузнать, о чём же она думает, чего замышляет. Впрочем, я ведь тоже защитил себя специальной ментальной блокировкой, чтобы ни друзья, ни тем более враги ничего не могли в моей голове прочесть. Может, я не случайно подумал о девчонке, как только узнал о том задании, которое мне хотят поручить. Только каким образом привязать смерть сотрудников контрразведки к этому симпатичному монстру, я пока представить не мог. Желание узнать о Лидочке возникло спонтанно из глубин моего подсознания, и давать ему какое-либо логическое объяснение на

данный момент было бесперспективно. Чтобы не наделать ошибок, нужно будет непредвзято разбираться со всем уже на месте.

Из тяжёлых раздумий меня вывел голос Сергея Кузьмича.

— Хороша же у тебя подружка, — хмыкнул он, услышав от дочери описание Лидочки.

— Что поделаешь, — я, словно извиняясь, развёл руками.

И тут вдруг я вновь ощутил появившееся где-то внутри неприятное покалывание. Вновь появилось чувство, что за мной кто-то наблюдает. Конечно, не подглядывает за мной в специально проделанную в стене щёлочку, думаю, от такого безобразия спецкупе для сотрудников КГБ было надёжно застраховано. Но то, что кто-то думает обо мне или просто наблюдает за нашей дверью, было для меня очевидным.

Я бросил взгляд на своих попутчиков. Наталья равнодушно уставилась в окно, Сергей Кузьмич, облокотившись на стенку купе и положив ноги на сиденье, похоже, задремал. Чтобы развеять свои сомнения, я тихонько поднялся со своего места и, приоткрыв дверь, выглянул в проход. На моих глазах захлопнулась дверь тамбура, а я лишь успел заметить рукав серого мужского пиджака. Видимо, именно он проходил несколько секунд назад мимо нашей двери, и именно в этот момент я и ощутил тот самый дискомфорт. Открыв дверь пошире, вслед за мной выглянула и Наталья.

— В чём дело? — шёпотом, чтобы не потревожить дремлющего отца, взволнованно спросила она. Беззаботность и

спокойствие вмиг испарились с её лица. Теперь оно было сосредоточенным и серьёзным.

— Мне кажется, что за нами следят, — так же тихо ответил ей я.

Глава 4

США, штат Вирджиния, штаб-квартира ЦРУ

— Доброе утро, Саманта, — поздоровался Майкл Филлипс со своей секретаршей, входя в приёмную своего кабинета.

С тех пор, как бывший советник при посольстве в Москве вернулся на родину в Соединённые Штаты, прошло чуть более двух лет. Он больше не мотался по миру, выполняя множество поручений, а сидел в своём просторном кабинете в Лэнгли[1] и занимал неплохую должность в NCS[2]. Недавно он в компании друзей неплохо отпраздновал своё сорокапятилетие. К этому времени Филлипс заметно пополнел, и теперь, из-за выступающего животика, ему приходилось покупать костюмы на пару размеров больше, чем несколько лет назад. Единственное, что, пожалуй, осталось у него неизменным, так это бакенбарды. Друзья Филлипса нередко замечали, что он похож на Джона Куинси Адамса — шестого президента США, и честолюбивого служащего ЦРУ это всегда

---

[1] Лэнгли (англ. Langley) — невключённая территория (фактически — район) в статистически обособленной местности Маклин в округе Фэрфакс в штате Вирджиния, США. Наиболее известен тем, что здесь находится штаб-квартира Центрального разведывательного управления США.

[2] The National Clandestine Service (NCS) — Национальная секретная служба ЦРУ.

воодушевляло. Теперь же, когда его некогда чёрные волосы наполовину стали седыми, а лицо округлилось, это сходство стало ещё более заметным.

— Доброе утро, Майкл, — ответила рыжеволосая секретарша, растянув тонкие, ярко накрашенные, губы в улыбке.

Когда поблизости никого не было, она вполне могла позволить называть своего босса по имени. В их ближайшем окружении уже давно ни для кого не было секретом, что худая, как вобла, и вовсе не привлекательная Саманта Андерсон, к тому же будучи старше Филлипса на восемь лет, является его любовницей. Злые языки судачили, что такой странный выбор любовницы Филлипс сделал вовсе не по своей воле. Скорее всего, старая ведьма своими колдовскими чарами просто охмурила своего начальника и, заставив плясать под свою дудку, довела до того, что тот взял и развёлся с красавицей женой. Возможно, что и его восхождение по карьерной лестнице, хотя и медленное, но вполне уверенное, было также заслугой Старухи, как за глаза называли сослуживцы Саманту Андерсон. Однако всё это заявить в глаза Филлипсу, а тем паче его секретарше, конечно же, никто не решался. Слишком свежо и ярко было воспоминание о случае внезапной болезни и, как следствие, инвалидности одного из слишком болтливых сотрудников их большого отдела. И всё же, несмотря на все эти разговоры и сплетни, Андерсон действительно была очень хорошей секретаршей. Она не только превосходно справлялась со всеми своими обязанностя-

ми, но и благодаря своему нечеловеческому чутью, не один раз помогала своему любовнику избежать неприятностей по службе. Пару раз Саманта даже спасла ему жизнь, предупредив о смертельных ловушках, расставленных специально для него.

— Свари мне чашечку кофе и принеси то, что ты вчера распечатала, — распорядился Филлипс, открывая дверь своего кабинета.

— Боюсь, что с кофе тебе придётся повременить, — иронично заметила секретарша.

Филлипс обернулся и бросил на неё вопросительный взгляд. Саманта, не сводя с него глаз, пояснила:

— Тебя просил зайти Клейтон, и его вряд ли удовлетворит оправдание, что ты не успел дома выпить кофе.

Колин Клейтон был директором секретной службы, и тут секретарша была права: злить своего непосредственного начальника с самого утра — весьма неразумное занятие.

— Хорошо, — недовольно буркнул Филлипс.

Он бросил папку с документами на свой стол, окинул хмурым взглядом освещённый утренним солнцем кабинет и вышел в коридор. Поднявшись на лифте на пару этажей выше, Майкл вошёл в кабинет Клейтона.

— А, Филлипс! — воскликнул босс, когда его подчинённый, деликатно постучав, заглянул в дверь. Он оторвался от чтения каких-то документов и снял очки. — Очень хорошо, что вы пришли, — Клейтон рукой указал на мягкий стул,

стоящий с противоположной стороны его огромного стола, сделанного из прочного морёного дуба. В кабинете директора горел свет, так как окна выходили на западную сторону, и солнце заглядывало в них только ближе к вечеру.

Майкл присел и выжидательно уставился на босса. Клейтон был круглолицым мужчиной лет пятидесяти, с короткой стрижкой и десятком, а то и больше, лишних килограммов на животе и боках. Над пухлыми, как у женщины, губами топорщились седые усы. Босс вновь водрузил на свой мясистый широкий нос очки в позолоченной оправе и ещё некоторое время, словно позабыв о том, что перед ним сидит подчинённый, листал свои бумаги. Наконец, закончив чтение, он с аккуратностью педанта сложил документы в папку, а ту положил на стопку таких же папок, лежащих по левую руку на столе.

— Так вот, — заговорил Клейтон так, словно их разговор вовсе не прерывался, — что у вас там с нашим подопечным?

— Вы имеете в виду Ветерана?

— Хм, — губы Клейтона растянулись в иронической улыбке. Он немного наклонил голову вперёд, глядя на подчинённого поверх очков. — Интересно, кто придумал ему такую кличку?

— Саманта Андерсон, босс. Думаю, это очень подходящая кличка. Вряд ли кто-нибудь сможет догадаться, что её носитель мальчишка.

— Что ж, логика в этом есть. Ну, так что у вас нового по

Ветерану?

— Пока что очень мало данных, сэр. С тех пор, как к нам поступила информация о необычных способностях у маленького ребёнка, проживающего в СССР, мы только относительно недавно смогли установить за ним более плотный контроль. Сначала он жил в засекреченном интернате, и вести за ним наблюдение не представлялось возможным, затем…

— Погодите, Филлипс, а что из себя представляет этот интернат?

— Заведение для особо развитых и, в некотором роде, необычных детей, сэр.

— И что, много из этого интерната уже вышло выпускников? Где они сейчас, чем занимаются?

— К сожалению, мы до сих пор не смогли завербовать ни одного из преподавателей или из обслуживающего персонала этого интерната, а других источников, из которых можно было бы почерпнуть сведения о детях, просто нет. Все сведения о том, что происходит за забором этого заведения, находятся под грифом «Совершенно секретно».

— Плохо работаете, Филлипс… — недовольно буркнул Клейтон. — Ну да ладно,… Что вы ещё хотели сказать?

— После того, как Ветеран вновь вернулся домой, он почти на полгода вдруг вообще исчез не только из нашего поля зрения, но, похоже, его потеряли и сами сотрудники Кей Джи Би.

Колин Клейтон снял очки, аккуратно их сложил и бережно сунул в инкрустированный позолотой футляр. Когда глава секретной службы начинал нервничать, он, чтобы успокоить нервы, всегда пытался чем-нибудь занять свои руки. Отодвинув футляр в сторону, Клейтон, наконец, поднял голову и бросил вопросительный взгляд на подчинённого.

— Там какая-то непонятная история произошла, — поспешил объяснить Филлипс. — Что-то там было связано с поисками так называемого Тунгусского метеорита… Мы так до конца и не разобрались, что там было на самом деле… Но вот после возвращения из тайги он вновь поселился у своих родителей. Теперь нам, наконец-то, удалось окружить его своим вниманием.

— Так этот ваш Ветеран действительно обладает какими-то особенными талантами или это очередная «утка» наших «друзей» из Кей Джи Би? Сейчас вы можете о нём что-нибудь сказать?

— По всей видимости, сэр, он действительно обладает какими-то способностями. Если вы помните провал нашего агента Камня в Ленинграде… — Филлипс вопросительно взглянул на босса. Тот кивнул, подтверждая, что помнит тот случай. — Так вот, этот мальчишка уже тогда пытался магическим путём выведать наши секреты.

— Вот как? — поднял брови Клейтон. — И что же он такого проделывал? Опоил вас каким-то колдовским снадобьем? — лицо босса вновь скривилось в иронической улыб-

ке.

— Нет, он хотел прочесть мои мысли, сэр.

— И вы верите, что такое возможно?

— Я не верю, сэр, но моя секретарша…

— Я вас понял, — остановил подчинённого Клейтон. Слухи о секретарше Филлипса доходили и до него, и даже он — страшный и беспощадный начальник — тоже побаивался Старуху. — А что ещё умеет этот наш вундеркинд?

— Если не считать того, что он в девятилетнем возрасте уже учится в Московском университете, то ничего особенного за ним, к сожалению, пока замечено не было. У нас было очень мало времени для этого. На людях он ведёт себя так же, как и все обычные дети, но вот… — Филлипс замялся, не зная, продолжать или нет фразу, почти сорвавшуюся у него с языка. Прекрасно понимая, что всё, что он говорит о магии и суперспособностях, выглядит в глазах начальства бредом сумасшедшего, ему вовсе не хотелось усиливать эти впечатления.

— Так что там у вас за «Но» такое? — ухмыльнулся Клейтон.

— Дело в том, что нашему агенту показалось, будто Ветеран не ест, — Филлипс украдкой взглянул на босса, оценивая, какое впечатление на него произвела эта фраза. Однако выражение лица Клейтона ничуть не изменилось, разве что брови угрожающе сдвинулись к переносице.

— Так ему показалось, или мальчишка действительно ни-

чего не ест? И что конкретно значит это «Не ест»? — возмущённо прошипел директор секретной службы. Он достал из лежащей на столе коробки толстую сигару, повертел в руке.

— Ветеран действительно ничем не питается.

Холёная рука босса замерла в воздухе вместе с гильотинкой для сигар.

— Вы хотите сказать, что он вовсе не употребляет никакой пищи? — всё ещё не веря в то, что говорил подчинённый, вновь уточнил Клейтон.

— Именно так, сэр.

Недоумение на лице босса выразилось в такой забавной гримасе, что Филлипс еле сдержался, чтобы не улыбнуться. Смеяться над боссом было равносильно самоубийству или, как минимум, окончанию собственной карьеры. Клейтон всё же прикурил сигарету, о чём-то раздумывая, потом произнёс:

— И как, по-вашему, такое возможно? За счёт чего же он тогда живёт? — Клейтон вспомнил свой сегодняшний завтрак, состоявший из большой порции пасты, сдобренной острым соусом, и жирного, хорошо прожаренного бифштекса из свинины.

— Наши аналитики пришли к выводу, что энергию он получает от физических упражнений.

Такое объяснение ещё больше запутало шефа секретного отдела, а потому он решил на время оставить этот вопрос. Сделав вид, что ему всё ясно, Клейтон спросил:

— И что сейчас делает Ветеран?

— В данный момент он должен ехать в поезде Зарецк-Москва.

— С какой целью?

— Точно установить нам пока не удалось, но вместе с ним едут сотрудница Кей Джи Би в звании капитана, Наталья Копылова, и её отец, Сергей Копылов, полковник в отставке.

— Интересная троица получается? — словно размышляя вслух, сказал Клейтон. — Хорошо, продолжайте наблюдение. Если обнаружите ещё какие-либо способности у Ветерана, немедленно докладывайте мне.

— Слушаюсь.

— А теперь я хотел бы поговорить о Мастере.

Филлипс кивнул и, вздохнув с облегчением, перевёл акцент своего внимания на завербованного много лет назад агента по кличке Мастер. Это был один из самых ценных осведомителей ЦРУ, работающих на территории Советского Союза, и он, Филлипс, последние годы лично курировал его деятельность. Агент добросовестно поставлял сведения, которые интересовали его хозяев, но вот в последнее время начал сильно волноваться и нервничать. В одном из своих донесений он сказал, что в его ведомстве, якобы, заподозрили наличие предателя. Агента попытались успокоить, сказали, чтобы он временно залёг на дно. Однако спокойствие Мастеру не вернули ни елейные увещевания хозяев, ни прибавка к жалованию, которое регулярно поступало на

его личный счёт в один из банков США. В каждом новом его донесении сквозила напряжённость, а сведения не представляли никакой ценности для Лэнгли. Недавно агент сообщил, что ему пришлось убрать двух своих сослуживцев, которые либо что-то пронюхали, либо просто начали догадываться о том, кем он является на самом деле. Самоличная расправа над неугодными гражданами страны противоречила инструкции, которая предписывалась агентам такого уровня, как Мастер. Обычно ликвидацией опасных людей и свидетелей никогда не занимались сами агенты, если только промедление не грозило для них провалом или не угрожало жизни. Все грязные дела выполняли ликвидаторы. Но Мастер, по мнению Филлипса, явно преувеличивая опасность и вероятность раскрытия, не стал дожидаться приезда ликвидатора, а решил всё сделать сам. Правда, он заверил своего куратора из Америки, что сделал всё очень чисто и, как он сам сказал: «Комар носа не подточит».

— Да, я слушаю вас, сэр, — ответил Филлипс, преданно глядя в глаза своему боссу.

— Как, по-вашему, а не пора ли отправить его на пенсию?

— Вы имеете в виду…

— Да, Филлипс, вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Может быть, будет лучше, если мы сами устраним отработавшего свой срок агента, чем будем дожидаться его разоблачения и, как следствие, очередного скандала с коммунистами? Вы представляете, что может произойти, если во вре-

мя такого знаменательного события для двух великих держав, а именно пребывания нашего президента в Москве, Кей Джи Би вдруг разоблачит нашего агента? Уверен, что нас с вами по голове не погладят. В лучшем случае просто понизят в должности, ну а худший вариант я не желаю даже озвучивать. Как говорят русские: «Чтобы не накаркать себе». С такими кадрами, как у нас, — Клейтон растянул губы в скептической ухмылке, явно намекая на секретаршу Филлипса, — невольно станешь верить во всякие предрассудки. Поэтому вариант выхода агента на пенсию считаю наиболее перспективным, и выполнить задание нужно в минимально кратчайшие сроки.

— Но, сэр, Мастер старый и очень хорошо зарекомендовавший себя агент, — робко возразил Майкл Филлипс.

— Был хорошим, Филлипс, был… И не тешьте себя иллюзиями. Всё всегда нужно делать вовремя. Вы ведь много лет прожили в Союзе, как там у русских поговорка? «Хороша ложка к обеду?»

— Но мы ведь можем попробовать переправить его за границу…

— Вы же прекрасно знаете, Филлипс, с какими трудностями сопряжена переброска человека из-за железного занавеса в капиталистические страны… а тем более офицера Кей Джи Би. Это может стоить нам не только потери ещё одного агента, но и раскрытия канала переброски людей через границу. Нет… Думаю, что и проще, и надёжнее будет просто

его убрать. А главное, это обойдётся нам гораздо дешевле, — добавил Клейтон.

— Как скажете, — не стал больше возражать подчинённый. Проработав много лет резидентом в СССР, он, конечно же, хорошо разбирался во всех тонкостях работы с агентурой. Да и Мастер, а точнее его самодеятельность в последнее время, если честно, Филлипсу очень не нравилась. Чтобы не навлечь на себя гнев босса, он не стал ему докладывать все подробности, которые знал, и теперь был абсолютно убеждён в правильности решения руководства по поводу устранения агента.

— Прикажете начинать готовить ликвидатора?

— Готовьте. И не нужно полагаться на тех, кто сейчас находится в Союзе. Это должен быть очень опытный специалист. Чтобы, как там сказал Мастер? «Комар носа не заточил…», — хмыкнул шеф секретной службы. — И, как я уже сказал, Филлипс, нужно отправить ликвидатора как можно быстрее. Да, кстати, пока Мастер ещё не на пенсии, не имеет ли он возможности воспользоваться своими каналами и связями, чтобы более детально разузнать о вашем таинственном Ветеране?

— Думаю, что вскоре нам удастся это сделать, босс, — лицо Филлипса просияло. — Ветеран как раз едет в Светловск, где и работает Мастер.

— Вы же говорили, что он едет в Москву? — возразил Клейтон.

— Да, вы правы, но только из Зарецка нет прямого поезда на Светловск. Из Москвы до Светловска ещё нужно добираться на электропоезде.

— Понятно… А как вы думаете, Филлипс, нет такой вероятности, что этого Ветерана с его способностями специально послали в Светловск, чтобы выявить завербованного нами агента?

— Всё возможно, босс.

— Ну что ж… — задумчиво произнёс Клейтон, — так это или нет, но всё равно нужно как можно быстрее устранить Мастера. Если этот вундеркинд действительно умеет читать мысли, то лучше бы ему вообще не пересекаться с нашим агентом.

— Так, может, и Ветерана на пенсию?.. — аккуратно предложил Филлипс.

— А вот этого делать не стоит. Если это действительно такой одарённый ребёнок, то прежде всего его нужно попробовать переманить на нашу сторону. Я знаю, с каким рвением воспитывают коммунисты своё подрастающее поколение, но… К любому человеку, а особенно к ребёнку, всегда можно найти правильный подход. Ну, а если всё же не получится его уговорить, то, на крайний случай, можно его и выкрасть. И хотя его нам тоже придётся транспортировать через границу, но в этом случае, я думаю, риск будет вполне оправдан.

— Да, сэр, — ответил Филлипс.

Закончив беседу с боссом, он вновь спустился к себе. Ещё

в коридоре он почувствовал аромат свежезаваренного кофе. По пути от босса ему в голову вдруг пришла довольно необычная мысль, и теперь, подойдя к двери своего кабинета, Филлипс уже наверняка знал, кто именно отправится на ликвидацию советского агента. «Да, некоторое время придётся пожить без кофе и без любовницы, — с некоторым сожалением подумал Майкл Филлипс, берясь за ручку двери. Горячей волной в его памяти пронеслись воспоминания о том, что проделывала с ним в постели та, которую в их отделе называли Старухой, и он почувствовал нарастающее внизу живота возбуждение. — Ничего-ничего, потерпим, не в первый раз», — успокоил себя Филлипс и, решительно войдя в приёмную, сразу же обратился к своей секретарше:

— Саманта, у меня есть для тебя очень интересное предложение.

Глава 5

Скорый поезд мерно отстукивал колёсами и летел, не останавливаясь на мелких полустанках. За окном проносились небольшие посёлки, поля, засеянные озимыми, лесопосадки… Солнце клонилось к закату, окрашивая всё вокруг в ярко-оранжевый цвет. Проводница забрала пустые стаканы и принесла свежее постельное бельё, от которого исходил запах стирального порошка. Я «забронировал» себе одну из верхних полок, и мои спутники не стали мне возражать. Сергею Кузьмичу по возрасту было положено спать внизу, ну а Копылова всё же женщина. Наталья, взяв на себя обязанности хозяйки, постелила всем бельё, чтобы при желании любой из нас мог лечь спать, когда ему захочется. Делать было нечего, поэтому я сразу же забрался на свою полку и отвернулся к стенке купе. После выпитого нами чая уже прошло некоторое время, поэтому не мудрено, что моим спутникам захотелось есть. Чтобы мне не задавали лишних вопросов, я притворился, что задремал.

— Наточка, — услышал я тихий голос Сергея Кузьмича, — надо бы малого разбудить, что же он голодным-то спать улёгся?

— Папа, не переживай. Я же говорила тебе, что Витя мальчик особенный, и он очень мало ест, — так же тихо ответила Наталья.

Внизу послышалась возня, зашелестела бумага, звякнули о крышку стола столовые приборы. Вскоре купе наполнилось всевозможными запахами, от которых у обычного человека непременно потекли бы слюнки. Только я уже давно не реагировал на них, хотя моё обострённое обоняние очень чётко различало запах каждого продукта. В принципе, рацион моих спутников ничем не отличался от рациона тысяч других людей, которым хоть раз в жизни приходилось ездить в поездах дальнего следования. Мой чуткий нос, прежде всего, уловил, преобладающий над остальными, запах сухой колбасы, которую далеко не всегда можно было найти на прилавках магазинов. Аромат варёной курицы и варёных яиц значительно уступал колбасе. Затем я услышал, как из ёмкости, судя по звуку, не очень большой, полилась какая-то жидкость. «Коньяк», — тут же определил я. Мне ещё ни разу не доводилось пробовать, содержащие этиловый спирт, напитки, и, честно говоря, дегустировать эту сомнительную продукцию мне было не только не интересно, но даже противно. Однако я не раз присутствовал во время распития тех или иных алкогольных продуктов, а потому мог более-менее их идентифицировать.

Прислушиваясь к звукам и немногочисленным коротким фразам, сопровождающих ужин, я сделал вывод, что алкоголь употреблял только отец Натальи. Видимо, сама она пить спиртное отказалась. К сожалению, в этом мире многие женщины не видели ничего плохого в том, чтобы иногда выпить

чего-нибудь «вкусненького». Но я-то знал о том, как губителен любой, даже самый безобидный на первый взгляд, алкоголь для любого человека, а для женщин — особенно. Поэтому такой, я бы сказал, поступок Натальи ещё больше заставил меня её уважать.

Когда с едой было покончено, и Копылова навела порядок на столе, я «проснулся». Повернувшись лицом к Сергею Кузьмичу, я улыбнулся ему. Довольное лицо мужчины, явно получившего удовольствие от еды, тут же стало участливо-серьёзным. Сергей Кузьмич проигнорировал мою улыбку и, отложив салфетку, которой вытирал губы, озабоченно произнёс:

— Витя, ты кушать хочешь? Спускайся, мы тебя покормим.

— Нет, спасибо, — ответил я, свесив голову с полки.

— Чего же тогда не спишь? — на этот раз спросила Наталья, которая расположилась подо мной. Чтобы увидеть моё лицо, ей пришлось изогнуть шею и сильно закинуть голову вверх.

— Уже выспался, — улыбнулся я и ей.

— А мне вот в дороге обычно плохо спится, — посетовал отставной полковник и, лукаво улыбнувшись, добавил: — Ну, раз уж нам спать не хочется, тогда, может быть, скоротаем время за шахматами?

— Почему бы и нет, — согласился я.

Чтобы достать из своей сумки дорожные шахматы, Сер-

гею Кузьмичу пришлось подниматься со своего места и залезать в багажное отделение. Когда сумка была возвращена на место, а полка опущена, я, облачённый по-походному: в спортивные шаровары и майку, ловко спрыгнул вниз и присел рядом с Натальей.

— Любишь ты слабых обыгрывать… — произнесла Копылова, укоризненно взглянув на отца. Она взяла в руки лежащий на столе журнал «Вокруг света», купленный на вокзале моей матерью, но, спохватившись, обратилась ко мне: — Ты не против, если я посмотрю?

Я, конечно же, не возражал. Чтобы нам не мешать, женщина сдвинулась ближе к окну и, подложив под спину подушку, углубилась в чтение. Тем временем мой партнёр по шахматам уже расставил магнитные фигурки на металлическом поле доски. Благодаря этой маленькой хитрости производителя дорожных игр, можно было не опасаться, что во время тряски или наклона, шахматы разлетятся во все стороны.

— Ну-с, молодой человек… — произнёс Сергей Кузьмич, переходя почему-то на «Вы» и энергично потирая ладони, — приступим. После ужина его лицо заметно преобразилось. Сейчас мужчина уже не выглядел таким подавленным и старым, каким был до посадки в поезд. В его глазах появился знакомый мне блеск азартного игрока. Точно с таким же настроением садился со мной играть мой отец, пока не понял, что надеяться на выигрыш бесполезно.

— На правах старшего, — продолжил свою речь Сергей Кузьмич, — я предоставляю тебе право играть белыми и, соответственно, ходить первым. — Благодарю вас, — улыбнулся я ему и сделал привычный ход пешкой на поле e4.

Игра началась. Я решил не маскировать свои умения, а сразу же продемонстрировать все свои умственные способности. Памятуя, в каком мире я нахожусь, мне почему-то казалось, что будь на моём месте другой человек, обладающий всеми талантами, которые были на данный момент у меня, то он непременно бы ими воспользовался, чтобы объегорить своего соперника с минимальными умственными затратами. Например, мог бы банально прочитать его мысли, чтобы знать о всех его планах, мог при помощи взгляда незаметно сдвинуть любую фигуру на нужный квадрат… Только все эти ухищрения мне были ни к чему и, к тому же, противоречили моей сущности. Чтением чужих мыслей я пользовался крайне редко и лишь в тех случаях, когда что-то серьёзное угрожало мне или моим близким. Ну, а мухлевать я вообще не был приучен: ни в моей нынешней жизни, ни, тем более, в моей прошлой. На данный момент я уже достаточно хорошо развил свой мозг, чтобы честно играть и выигрывать у любого соперника в любую игру, каким бы сильным тот не был.

Спустя пять минут после начала партии, боевое и игривое настроение моего оппонента сменилось задумчивостью. Он стал уделять больше времени обдумыванию следующего хо-

да и всё чаще удивлённо поглядывал в мою сторону после того, как я, просчитав в голове все возможные варианты ходов, делал наиболее удачный. Копылова, поначалу углубившаяся в чтение журнала, вскоре тоже заинтересовалась игрой. Ещё через некоторое время наше сражение так её увлекло, что она, отложив чтиво в сторону, с интересом стала наблюдать за событиями, развивающимися на доске. Я знал, что Наталья тоже неплохо играет в шахматы, в чём, несомненно, была заслуга её отца, да и сам Сергей Кузьмич играл, не в пример моему отцу, очень сильно. Однако, это не помешало мне через двадцать пять минут горячей схватки объявить ему мат. Осознав, что проиграл какому-то «сопливому» мальчишке, пенсионер не на шутку разволновался. Я сразу заметил неблагоприятные изменения в его организме. Дыхание Сергея Кузьмича участилось, а на лбу проступила испарина. Увидев, к чему привела моя прямолинейность характера, мне стало стыдно за свой необдуманный поступок. Мужчина, видимо, давно никому не проигрывал, и поражение, тем более от ребёнка, ему, вероятно, показалось унизительным для игрока такого уровня. Даже несколько ироничное выражение лица Натальи сменилось на тревожное.

— Папа, тебе нельзя так волноваться, — с волнением в голосе произнесла она, пытаясь успокоить неудачливого шахматиста. — На-ка, возьми под язык валидол, — сказала Наталья, быстро отыскав в своей сумочке круглый стеклянный сосуд с таблетками.

— Ерунда, — отмахнулся мужчина. — Неужели ты думаешь, что я расстроился из-за такого пустяка? Понятно же, что парень случайно выиграл. «Зевнул», видимо, я где-то… — И, уже обращаясь ко мне, решительно заявил: — Я требую реванша, молодой человек.

Сергей Кузьмич действительно быстро овладел собой, и признаки проблемы с сердцем начали исчезать.

— Папа, может… — Наталья, видимо, хотела продолжать отговаривать своего воинственного предка, но тот метнул в неё такой недвусмысленный взгляд, что женщина тут же умолкла.

— Так вы не против, молодой человек?

Я немного поколебался, но поняв, что угрозы для здоровья у ветерана больше нет, согласился на ответную партию. «Ветеран… ветеран… — словно пробуя на вкус вполне обычное слово, произнёс я про себя. — Странно, почему оно меня так сейчас зацепило?» Привычное в это время слово «ветеран» будто всплыло откуда-то из глубин моего подсознания. Вот только в чём был смысл такого вброса, и как это было связано со мной, я не понимал. Не найдя рационального ответа на этот вопрос, я просто сделал ответный ход чёрной пешкой на уже подготовленной Сергеем Кузьмичом доске. Теперь, чтобы немного успокоить своего соперника и не довести до серьёзного сердечного приступа, я слегка поддался и с небольшим преимуществом сдал ему вторую партию.

— То-то же! — сосредоточенность на лице Сергея Кузь-

мича сменилась улыбкой. — Ты, Витя, конечно, сильно играешь, но тебе ещё нужно набраться побольше опыта… Ну что, контровую? — задорно добавил мужчина и взглядом ребёнка, жаждущего похвалы, взглянул на дочь.

Наталья ничего не ответила. По её лицу я понял, что она раскусила мой тактический ход и уже нисколечко не сомневалась, кто здесь мастер. И вновь, теперь уже после слова «мастер», меня будто иголкой в голову кольнуло. «Да что ж такое-то?» — подумал я, но размышлять на эту тему было некогда, меня с нетерпением ждал мой соперник по шахматам. Чтобы не возникло новой проблемы, я, глядя на Копылову, спросил у Сергея Кузьмича:

— А вы нервничать не будете?

Женщина, видя порозовевшие щёки отца, тоже заметно успокоилась, но на мой немой вопрос лишь пожала плечами.

— Давай-давай, — продолжал храбриться ветеран. — Нужно же решить, кто сильнее, — он явно не сомневался в своём успехе. Задорно подмигнув дочери, Сергей Кузьмич в очередной раз перевернул доску и теперь с ещё большим азартом, сверкающим в его глазах, ждал моего первого хода.

Я пошёл и, спустя тридцать долгих и напряжённых минут, вновь у него выиграл. На этот раз, к счастью, тот не стал так сильно реагировать, а вполне достойно принял своё поражение. Крепко пожав мне руку, он по-хозяйски сложил шахматы в коробок и, немного небрежно бросил на столик ближе к окну. Оглянувшись по сторонам, словно возвращаясь в ре-

альность после долгого забытья, он, наконец, взглянул мне в глаза и произнёс:

— Должен признаться, Витя, что ты меня удивил, — вся его напыщенность и задор исчезли, и передо мной вновь сидел обычный пожилой человек. — Вот теперь я верю, что ты не простой ребёнок. Я ведь всю свою жизнь играю в шахматы, и в последние годы у меня вообще редко кто выигрывал. И это, я тебе скажу, были отнюдь не дилетанты. — Сергей Кузьмич помолчал, что-то обдумывая, а потом, что-то вспомнив, как-то хитро на меня посмотрел и с любопытством в голосе спросил:

— Ну а ещё чего-нибудь эдакого умеешь? Я ж так понимаю, что одной игрой в шахматы твои умения не исчерпываются? — он перевёл взгляд на дочь, однако та демонстративно уставилась в давно уже потемневшее окно.

Я немного подумал. Ясное дело, что Наталья в общих чертах рассказала отцу, что у меня имеются какие-то способности. Судя по всему, он ей не очень-то и поверил, но моя игра в шахматы, видимо, всё же зародила сомнения в душе старого вояки. Теперь он, как ребёнок, впервые попавший в цирк, жаждал увидеть волшебство. «Ладно, — хмыкнул я про себя и, перефразировав цитату из фильма „Интервенция“, который недавно показывали по телевидению, добавил: — Вы просите волшебств? Их есть у меня». Естественно, раскрывать все свои таланты я ни в коей мере не собирался, но кое-что продемонстрировать всё же было нужно. Иначе этот дя-

дечка либо разочаруется во мне, либо наоборот, не отстанет со своими вопросами.

— У вас монетка есть? — спросил я у него.

Копылова отреагировала мгновенно, не став дожидаться ответа отца. Во время нашей поездки из Красноярского края о моих способностях разговор ни разу не заходил, и, видимо, ей и самой хотелось увидеть что-нибудь необычное. Женщина быстро достала из сумочки небольшой кошелёк и, поковырявшись в нём, спросила:

— Тебе какую лучше?

— Алтын есть? — блеснул я знанием старины. Не зря же я на исторический факультет поступил.

— Три копейки, что ли? — переспросила Копылова. Я кивнул, а она, достав из кошелька монету, протянула мне.

— Спрячьте монету в руке, — предложил я Сергею Кузьмичу, — а я её найду.

Вручив мужчине Натальин алтын, я отвернулся к стене.

— Готово! — сообщил мне Сергей Кузьмич через пару секунд.

Я повернулся и посмотрел на протянутые в мою сторону большие кулаки бывшего десантника. Переведя взгляд на его лицо, сияющее торжеством и превосходством, я спокойно сказал:

— Сергей Кузьмич, мы же договаривались, что вы спрячете монету в руке, а не под своей…

Наталья, внимательно наблюдавшая за нами, не удержа-

лась и прыснула, а её отец, ухмыльнувшись и доставая из-под себя монету, произнёс:

— Ты смотри! Догадался! Ладно, хорошо… давай тогда ещё раз.

Я вновь отвернулся, а когда Сергей Кузьмич огласил, что всё готово, уверенно ткнул пальцем в его правую руку. Конечно же, я не ошибся, а неугомонный пенсионер, ни в какую не желая верить в то, что это не случайность, требовал повторить испытание ещё и ещё. Когда же уже раз в двадцатый я правильно указал на руку, в которой была спрятана монета, он, наконец, успокоился, но не сдался. Я понимал, что за свою жизнь он повидал всякое, но, скорее всего, ни о какой мистике и ни о каких суперспособностях он даже и не задумывался. Думаю, единственное, в чём бывший десантник был уверен, и что сам испытал на своём опыте, так это то, что при серьёзных и ежедневных тренировках человеку действительно многое может стать под силу. Но как раз с этим я был полностью согласен. В том мире, то есть в будущем, откуда я сюда попал, суперспособности давались человеку от рождения, а здесь — в этом времени — человеку, чтобы ими овладеть, необходимо было очень хорошо потрудиться, и не один год. Мой друг Иннокентий как-то мне рассказывал о таких мастерах, которые вышли за рамки привычных нам законов физики.

— Я понимаю, что это какой-то фокус, — скептически произнёс Сергей Кузьмич. — Я ведь тоже бывал в цирке и

видел, как эти самые фокусники проделывают разные трюки. Там тоже все смотрели на них, разинув рты, не в силах понять, как именно они это делают.

Я вовсе не надеялся развенчать сложившиеся за многие годы стереотипы ветерана, однако мне было немного обидно, что он сравнивает мои способности с какими-то там цирковыми фокусами. Пару раз за свою жизнь я посещал с родителями цирк, но когда те поняли, что мне это не интересно, — перестали меня туда водить. Да и чего может быть интересного в том, что люди, казалось бы разумные существа, держат своих меньших и менее разумных братьев в клетках, да ещё и заставляют за лакомства выполнять свои прихоти? Фокусники нагло обманывают публику, не имея никаких суперспособностей, а лишь обладая ловкостью рук и научившись манипулировать вниманием людей. Про клоунов я вообще молчу. Глядя на их глупые ужимки и кривляния, я просто недоумевал, как можно над этим смеяться. Единственные, кто мне понравился, были акробаты. Эти люди действительно умели работать со своим телом и добивались этого тяжёлым изнурительным трудом. Жаль, что и они всю свою энергию отдавали не на созидание чего-нибудь важного и полезного, а лишь для того, чтобы развлекать толпу.

— Хорошо, давайте монету, — протянул я руку. Сергей Кузьмич охотно вернул мне три копейки. — В какой руке? — спросил я, зажав монету в той же ладони, но протягивая вперёд обе руки.

— Ну, в этой, — ухмыльнулся старик, естественно, указывая на кулак, в котором и должен был находиться алтын.

Я разжал кулак. Ладонь была пуста. Монета оказалась в другой руке, что я и продемонстрировал.

— Хм, — удивился пенсионер, а я, вновь зажав обе ладони в кулаки, даже не пряча их от моего визави, вновь спросил:

— Где?

И вновь Сергей Кузьмич ошибся, а потом ещё и ещё… Наталья, позабыв обо всём, тоже с восхищением смотрела на то, как моя монета неизвестным образом перемещается из одной руки в другую, да так, что её отец ни разу не смог угадать, в какой именно руке она окажется в следующий раз.

— Ну, ты мастер! — устав от бесплодных попыток разгадать загадку, произнёс мужчина. — И как ты это делаешь?

Я пожал плечами и сказал:

— Так вы ведь тоже умеете делать так же.

— Я?!

— Да, вы. Вот, возьмите монетку, — я вновь вернул алтын в правую руку Сергея Кузьмича. — Покажите две руки. Так… А теперь сильно сожмите кулаки.

Мужчина выполнил мою просьбу, а когда я попросил показать ладони, то монета чудесным образом оказалась в другой руке.

— Ну, ё… — старый вояка чуть было не произнёс крепкое солдатское словцо, но вовремя вспомнил, что находится не

в армии, а в компании женщины и ребёнка. — Да тебе бы в цирке выступать! Вот на кого народ бы толпами валил… — он бросил восхищённый взгляд в сторону дочери.

— Всё это баловство, уважаемый Сергей Кузьмич, — умерил я пыл старого вояки. — Человеку даются способности не для того, чтобы развлекать жаждущую зрелищ толпу. Всё, что нам даётся от природы, мы должны использовать лишь во благо этой самой природы, во благо других людей и для развития душевных качеств человека.

Я умышленно заменил слово «духовных» на «душевных», потому что иначе старый коммунист мог бы меня просто не понять. После такой пафосной тирады, да ещё произнесённой практически ребёнком, Копылов немного притих. Однако я видел, что эмоции, которые я вызвал в его душе демонстрацией материализации мелких объектов, всё ещё переполняют его и готовы в любую минуту выплеснуться наружу.

— Давайте лучше будем ложиться спать, — предложил я.

Наталья бросила взгляд на наручные часы.

— Ого, уже почти половина двенадцатого, — воскликнула она

Увлёкшись сначала шахматами, а потом показом моих способностей, мы не заметили, как пролетело время. Я уже хотел забираться на свою верхнюю полку, как вновь ощутил уже вполне знакомое неприятное чувство в груди. Теперь мне даже не нужно было гадать, что это может означать. В

этот раз я уже знал наверняка — за нашей дверью явно кто-то стоит.

Стараясь не показать своего волнения спутникам, я, будто желая размять ноги, не спеша поднялся, как можно небрежнее подошёл к двери и резким движением рванул её в сторону. Та с шумом распахнулась, и перед моими глазами возникла перепуганная до смерти проводница. Резко отпрянув от двери, она чуть было не растянулась на полу. Её, подведённые чёрным карандашом, глаза, казалось, сейчас вылетят из орбит, а форменная пилотка, приколотая заколками, съехала набок.

— Ох, боже мой! — воскликнула проводница, одной рукой схватившись за свою выдающуюся грудь, а второй судорожно пытаясь вернуть на место пилотку. — Мальчик, ты же меня так и заикой можешь сделать. — Она сделала несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоить сердцебиение. — Я мимо проходила, слышу, вы ещё не спите, хотела спросить, может, вам ещё чайку принести? — уже почти успокоившись, женщина перевела взгляд на Наталью.

— Нет, спасибо, — ответила Копылова. В её глазах всё ещё сохранялось удивление от моей внезапной выходки, в то же время я видел, что она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. — Мы уже собираемся ложиться.

— Дело ваше. Если вам нужен туалет, то поторопитесь, скоро станция. Будем стоять десять минут.

Проводница одёрнула юбку и направилась в сторону сво-

его купе.

— Спасибо, мы учтём, — ответил за всех Сергей Кузьмич. Он тоже, видимо, был очень удивлён моим поступком, но, в отличие от дочки, ничего смешного в нём не находил.

Я сделал вид, что не обращаю внимания на их взгляды, и осторожно выглянул в коридор вагона. Мне показалось, что в купе проводницы скрылся кто-то в сером пиджаке, но проверять тот ли это человек, которого я видел ранее выходящим из вагона, или не тот, не стал. Тем более я всё равно не видел его лица, а серый костюм может быть у кого угодно. Прикрыв дверь купе, я, обращаясь к отцу Натальи, спросил:

— Сергей Кузьмич, вы случайно никому не говорили, куда едете с Натальей Сергеевной?

— Да, вроде бы, нет, — задумавшись на пару секунд, ответил тот. — А что случилось-то?

Я рассказал своим спутникам о своих подозрениях и о том, что уже второй раз после посадки в вагон, чувствую за нами слежку.

— Папа, ты точно никому не говорил? — теперь уже Наталья попыталась освежить память пенсионера.

— Да точно, говорю. Что я, уже совсем ничего не понимаю? — рассердился Сергей Кузьмич.

— Ладно, давайте, наконец, ложиться, а то так до самого утра будем за призраками гоняться, — распорядилась Копылова.

Она поставила входную дверь на блокиратор, и мы, вы-

ключив свет, разлеглись по своим местам. Я ещё долго не мог уснуть, но всё же монотонный стук колёс постепенно начал сливаться в один протяжный и медленно затихающий гул, и я не заметил как погрузился в крепкий сон.

Несмотря на мои опасения, ночь прошла без происшествий. А утром нас разбудил стук в дверь.

— Вы просили предупредить пораньше… — послышался уже знакомый голос проводницы. — Через час будем в Москве.

Мы быстро собрали постели и переоделись, а семья Копыловых за оставшееся время ещё успела выпить по стакану чая с печеньем. С предложениями перекусить, Сергей Кузьмич, видимо, всё же осознав мою неординарность, ко мне уже не обращался. Незнакомого типа в сером костюме я больше не видел, а после спокойной ночи и крепкого сна моя излишняя подозрительность мне даже показалась немного странной. Мало ли кто мог случайно остановиться возле нашей двери. Не всех же сразу причислять к врагам.

К восьми часам утра мы прибыли на Павелецкий вокзал столицы нашей Родины. Я никогда не был в этом городе, хотя много о нём читал и видел фильмы о Москве. Понятно, что естественным моим желанием было совершить небольшую экскурсию или, в крайнем случае, хотя бы побывать на Красной площади. Однако моим мечтам не дано было сбыться. Во-первых, пригородный поезд Москва-Светловск, как оказалось, отправлялся не с этого вокзала, а с Курского ровно

через час после нашего прибытия. Времени, чтобы добраться на другой вокзал оставалось не так много. Ну, а во-вторых, даже если бы времени у нас было достаточно, то в связи с пребыванием в Советском Союзе президента Никсона с супругой, многие улицы города, а также места, куда те направлялись, были просто перекрыты милицией. Так что единственной достопримечательностью, которую я всё же лицезрел, было Московское метро. В нашем Зарецке метро нет и неизвестно, будет ли когда-нибудь вообще.

Нам повезло, что Наталья уже посещала Москву много раз. Был бы я один, то, несмотря на все мои сверхспособности, непременно запутался бы в лабиринтах переходов от одной линии метро к другой. Однако Копылова уверенно провела нас прямиком к нужной платформе, где мы благополучно сели на подъехавший вскоре подземный поезд. Не успел я толком осмотреться, как нам уже надо было выходить — ехать, как оказалось, нужно было всего две остановки.

Пока я рассматривал по дороге к вокзалу интерьеры: сначала подземной станции, а затем и самого вокзала, Сергей Кузьмич где-то успел купить четыре пирожка. Два он, естественно, отдал дочери, а два, уже не спрашивая меня, съел сам. В электричке мы всю дорогу ехали практически молча. Я, наконец, пролистал купленные матерью журналы, и, не найдя в них ничего интересного, сунул обратно в свой чемодан. Остальной отрезок пути я, как и большинство пассажиров, пялился в большое пыльное окно.

— Ты говорила с Трошиным, куда нам сразу ехать? — спросил Сергей Кузьмич у Натальи, когда мы уже начали продвигаться к выходу из вагона. Следующая остановка была Светловск.

— Да. Он сказал, что или сам приедет нас встречать или кого-нибудь за нами пришлёт.

Мы дождались остановки поезда, уже стоя в тамбуре. Не знаю почему, но я немного волновался. Состояние было такое же, как перед сдачей экзамена — вроде бы и всё выучил, но всё равно на душе как-то неспокойно. Садясь в электричку в Москве и после, уже сидя в вагоне, я время от времени бросал взгляды вокруг, но серого пиджака так больше и не увидел. «Видимо, я действительно себя накрутил».

Створки дверей разъехались в стороны, и мы вновь очутились на перроне. Светлое, с синим оттенком трёхэтажное здание вокзала было, конечно, не таким большим, как столичные станции, но тоже не маленьким. Людей здесь выходило не много, и на самом перроне было немноголюдно. Поэтому мы сразу заметили мужчину в строгом тёмном костюме с галстуком, стоявшего у входа в здание вокзала. Он тоже нас приметил и тут же направился в нашу сторону. Его походка показалась мне очень знакомой, и чем ближе он подходил, тем чаще начинало колотиться моё сердце. Когда же он остановился, чтобы поприветствовать моих спутников, у меня уже не осталось никаких сомнений, кто передо мной стоит.

Глава 6

Город Светловск, за два месяца до описываемых событий

Майор госбезопасности Борис Игоревич Семерикин, тридцати восьми лет от роду, работал начальником ООН. Конечно же, никакого отношения к известной международной организации он не имел. Такой точно аббревиатурой в городе Светловске обозначалась тюрьма особого назначения или, как её ещё называли в целях конспирации, — объект особого назначения. Служить Семерикину нравилось. Работа спокойная, без нервотрёпки и каких-либо эксцессов. Ведь в учреждении, которым он руководил уже более пяти лет, не воры отбывали свои сроки, не убийцы и вообще даже не преступники. В специальных камерах, оборудованных под обычные городские квартиры со всеми удобствами, находились особенные жильцы. Люди, которые обладали необычными способностями и, по заключению экспертов, могли являться потенциальной угрозой не только для общества, но и для всей планеты в целом. Именно по этой причине в ООН на данный момент проживал космический пришелец из какой-то далёкой галактики, а также несколько человек, которые в силу сложившихся обстоятельств тем или иным способом контактировали с пришельцами из иных миров.

Борис Игоревич уже давно свыкся с мыслью о том, что

инопланетяне существуют, и его нисколько не удивляло то, что есть люди, которые вполне могли попасть под влияние этих гуманоидов. Естественно, что перво-наперво всех «пришельцев», «Наполеонов» и прочих «императоров» тщательно проверяли в психиатрической больнице. Там опытные специалисты ставили пациенту диагноз, а в случае обнаружения какого-либо феномена, немедленно докладывали в соответствующие инстанции. После этого с человеком проводили беседу специалисты другого профиля. Они-то уже и определяли степень опасности, которую нёс пациент, и, соответственно, место, где тот будет проходить «лечение». Единственные, кто попадал в ООН немедленно, — это реальные инопланетяне и люди, которых эти гуманоиды могли чем-либо заразить или перепрограммировать мозг. Такие индивидуумы нередко проявляли всевозможные суперспособности, и оставлять их без тщательного контроля и наблюдения никто не решался. Тогда-то их и поселяли в ООН, запирая за толстенными стенами и массивными дверьми. А стены в этом учреждении были не просто очень толстыми. Каждая камера была тщательно экранирована несколькими слоями различных материалов, которые в совокупности не должны были пропускать никакие известные науке виды излучения.

За несколько лет службы, сначала замом, а затем и начальником ООН, Семерикин успел хорошо ознакомиться с личными делами каждого из своих подопечных. Сейчас он знал

наверняка: кто из них агрессивен и требует особого внимания, а с кем иногда можно было и поболтать о том, как устроена наша Вселенная, и как поживают другие внеземные цивилизации. Этим Борис Игоревич иногда и занимался в качестве проведения досуга, если выпадал удобный случай.

Больше всего начальник ООН любил беседовать с заключённым из восьмой камеры — безобидным крепышом и добряком Иваном Овчинниковым, попавшим сюда по непонятной прихоти вышестоящего начальства. Конечно, у Семерикина были предположения, что этот мужчина оказался кому-то, как говорится, «поперёк горла». Но тогда зачем его было селить в ООН, где один месяц пребывания заключённого обходился государству в кругленькую сумму, Борис Игоревич не понимал. С неугодными государству людьми и всякого рода диссидентами уже давно хорошо справлялись обычные психушки.

Узник этот был не агрессивным, а спокойным и рассудительным. Прекрасно понимая, что попал в свою камеру незаслуженно, тем не менее, он никогда не возмущался, не поднимал шумихи, не требовал выпустить на свободу… Создавалось впечатление, что он полностью смирился со своей участью и, как сам заявил Семерикину, даже был благодарен своим «покровителям», что те сохранили ему жизнь, пусть даже и в тюрьме. Общение хозяина тюрьмы и заключённого продолжалось бы и дольше, если бы не одно обстоятельство.

В последнее время особое место в жизни Бориса Игоре-

вича, вытеснив на второй план всех остальных сидельцев, занимала особа женского пола. Это была единственная женщина, содержащаяся в ООН, которую он с любовью называл Лидочкой. Каждый раз при воспоминании об этой белокурой красотке по телу майора пробегала приятная истома. Прежде чем вступить с ней в контакт, Семерикин, как положено, несколько раз просмотрел личное дело Лиды Саенко. Однако так же, как и в случае с Овчинниковым, он так и не разобрался, за что же её упрятали в эту тюрьму. Сведения о ней, хранившиеся в тоненькой папке, были довольно скудными. Когда Лида, будучи ещё ребёнком, жила с матерью и ходила в садик, то отличалась от своих сверстников лишь немного большим развитием. Подробная информация о её пребывании в интернате была вообще засекречена, впрочем, как и о других его питомцах.

За всё время пребывания в этом учреждении девочка вела себя очень смирно и тихо. Она много читала, и вовсе не развлекательную литературу. Больше всего её интересовала психология и философия. Именно это обстоятельство впервые и привлекло к ней внимание начальника ООН. Както раз, найдя в городской библиотеке старое издание книги «Психологические типы» немецкого психолога Карла Юнга, Семерикин лично отправился в камеру к Лидочке, чтобы, наконец, познакомиться с этой обитательницей своего учреждения. Каково же было удивление майора, когда вместо маленького «заморыша», каким ему до этого времени пред-

ставлялась Лида Саенко (фото в досье забыли обновить), перед ним предстала прелестная блондинка с голубыми глазами лет восемнадцати. Глядя на её кукольное личико и узрев её кротость, Борису Игоревичу пришла мысль, что это просто какой-то злой гений из личной мести взял и упрятал в застенки спустившегося с небес ангела. Чтобы охарактеризовать внешность Лидочки, другого слова он просто не смог для себя подобрать. Семерикин быстро нашёл общий язык с умной и развитой девушкой. Сейчас он, пожалуй, даже не смог бы толком объяснить, как же так получилось, что он, солидный мужчина, имеющий семью, вдруг, словно потерявший рассудок мальчишка, всецело отдался захлестнувшим его сердце и душу эмоциям. Сгорая в пламени своих чувств к Лидочке, он даже не понял, как однажды оказался в её нежных объятиях. Борису Игоревичу казалось, что его рассудок помутился.

Однако, каждый раз, возвращаясь от неё в свой кабинет, майор брал себя в руки и принимался за дела. Но проходило некоторое время, и Семерикина вновь, будто магнитом, тянуло к Лидочке. Тогда он шёл в библиотеку за новой книгой и вновь уединялся со своей подопечной.

Сегодня настроение у Семерикина было такое, что он вновь с удовольствием навестил бы Лидочку, если бы не другие обстоятельства. Настольный календарь, лежащий на рабочем столе рядом с телефоном, напоминал, что нынче вторник, седьмое марта. Следовательно, завтра женский празд-

ник, и нужно подумать не о Лидочке, а о Тамаре — его законной жене. Ещё раз вздохнув о невозможности попасть в заветную камеру номер девять, Борис Игоревич, отдав необходимые распоряжения персоналу ООН, покинул стены уже ставшего ему родным заведения. В конце концов, он начальник и имеет на это полное право. Ведь уйди он со службы как обычно, то не факт, что тогда сможет сделать ещё одно важное дело, а именно купить букетик гвоздик для своей супруги. Так как ближайший цветочный магазин был далеко в стороне и от его работы, и от его дома, Семерикину необходимо было сделать большой крюк. Эта дорога требовала времени, да и остальные мужики ведь тоже не спят. Замешкайся он немного, и они разметут все приличные цветы. Сегодня майору повезло, и он, купив букет из пяти алых гвоздик, довольный собой направился на автобусную остановку.

Со своей супругой Тамарой он прожил четырнадцать лет. У них был двенадцатилетний сын Антон, которого Семерикин очень любил. Конечно, как и в любой семье, были у них с женой, а иногда и со взрослеющим сыном, и конфликты, и разногласия. Но в целом его семейная жизнь складывалась благополучно. Вот и на завтра Борис Игоревич запланировал всей семьёй посетить кинотеатр. Его супруга просто обожает индийские фильмы. Так что цветы для неё это просто знак внимания, а истинным подарком будут билеты на только что вышедший на экраны фильм «Зита и Гита», которые майор госбезопасности приобрёл заранее. Ну и для сына, конечно,

какое-никакое развлечение.

— Борис Игоревич? — вдруг прервал размышления майора незнакомый мужской голос.

— Да… — останавливаясь, немного растерянно произнёс Семерикин.

Перед ним стоял мужчина в сером плаще с поднятым воротником и такого же цвета фуражке. В правой руке незнакомец держал скрученную трубочкой газету.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Со мной?! — удивился майор. То ли у него сработала интуиция, то ли ещё что, но этот тип ему сразу не понравился. — Кто вы и что, собственно, вам от меня нужно?

— Вот это как раз я и хотел вам сказать. Только… — незнакомец оглянулся по сторонам, постукивая свернутой газетой по свободной руке. — Разговор у меня с вами будет серьёзный, и здесь нам, пожалуй, не очень удобно будет беседовать.

— Но кто вы такой? — уже более уверенно произнёс Семерикин. После минутной растерянности он, наконец, начал соображать в нужном направлении. По манере держаться и говорить майор уже догадался, что незнакомец является сотрудником той же организации, к которой принадлежал и он сам, поэтому добавил: — И почему это я должен с вами говорить?

— А всё потому, Борис Игоревич, — всё так же спокойно произнёс мужчина в плаще, показывая Семерикину крас-

ную книжечку, — что я полковник комитета государственной безопасности, а разговор наш пойдёт об одной вашей подопечной, — сказав это, незнакомец украдкой оглянулся по сторонам. Но никто из прохожих не обращал на мирно беседующих мужчин никакого внимания. У большинства советских граждан обоих полов мысли были заняты предстоящим праздником — днём восьмого марта.

Сердце майора тут же ухнуло куда-то вниз, а лоб, несмотря на прохладную погоду, покрылся мелкими капельками пота. В голове крутилась только одна мысль: «Других подопечных женского пола, кроме Лидочки, в ООН нет, а значит, разговор пойдёт именно о ней. Но какая же сволочь могла меня сдать?»

— Вы, вероятно, сейчас думаете о том, откуда мы узнали о вашей связи с заключённой? — словно прочтя мысли собеседника, поинтересовался полковник. — Так мы, уважаемый Борис Игоревич, много чего знаем. Кому, как ни вам должно быть это известно…

— Ну да, ну да… — не стал возражать Семерикин. Ведь учреждение, которым он руководил, тоже принадлежало структуре КГБ.

— А давайте присядем вон на ту скамеечку, — предложил полковник, головой указывая куда-то в сторону.

Мужчины прошли между домов и присели на скамейку, установленную возле подъезда пятиэтажного дома. Судя по наплёванной вокруг скорлупе семечек, здесь ещё недавно си-

дела компания подростков. Старушки, изредка выходившие проветриться на свежем воздухе, так себя не вели. Борис Игоревич брезгливо поморщился и спросил:

— Так что вы хотели мне сказать? Простите, не знаю вашего имени и отчества.

— Иван Иванович…

— Итак, Иван Иванович, о чём вы хотели со мной поговорить?

Семерикин уже мысленно ругал себя за свою робость и за то, что не заглянул в корочку этого кагэбиста. А что если он всё же никакой не сотрудник госбезопасности?.. Ну а то, что этот тип никакой не Иван Иванович, понял бы даже школьник.

— Как я уже сказал, речь пойдёт о Лиде Саенко, — улыбнулся полковник и доверительно заглянул в глаза собеседнику. И вновь, лишь прозвучало имя его любовницы, сердце майора вновь ускорило темп, а щёки предательски начали наливаться кровью.

— И что вы хотите про неё узнать?

— Всё, что нужно, я про неё знаю, — ухмыльнулся Иван Иванович. — Мне она нужна.

— В каком смысле? — не понял Семерикин.

— Вы должны вывести её в город на некоторое время.

— В город?! Но это же невозможно! — возмутился майор. — Вы представляете, сколько нужно оформить бумаг для того, чтобы её можно было выпустить за ворота ООН? И то

не факт, что я когда-нибудь вообще получу такое разрешение. И с чего вы взяли, что я вам что-то должен? — решил проявить характер Семерикин.

— Всё просто, Борис Игоревич, — голос кагэбиста был по-прежнему спокоен. Он продолжал дружелюбно улыбаться, и со стороны могло показаться, что на лавочке ведут беседу два хороших знакомых. — Вы же не хотите, чтобы ваша жена в подарок к празднику получила письмо, в котором доброжелатель поделится секретом о ваших далеко не платонических отношениях с заключённой. Как вы думаете, она отреагирует на такое вот известие? А как отреагирует ваше начальство, если, не дай Боже, тоже каким-то образом узнает о вашей связи с заключённой? Здесь, уважаемый Борис Игоревич, попахивает не только концом вашей карьеры…

«Блефует сволочь, — была первая мысль Семерикина. — Никто не мог знать, что я делаю в камере у Лидочки». Однако уверенный и издевательски-насмешливый взгляд полковника, который, казалось, видел всё, что происходит у него на душе, сделали своё дело. Через минуту на некогда бравого майора жалко было смотреть. Он ссутулился, будто старик, на лбу проявились невидимые до сих пор морщины, а по спине пробежал неприятный холодок. Поёжившись, Борис Игоревич осипшим голосом спросил:

— Зачем она вам нужна?

— Не переживайте. Ничего противозаконного я делать не собираюсь. Мы просто с ней кое о чём побеседуем. Вот и

всё…

— Но почему бы вам не побеседовать с ней у нас? — нерешительно произнёс Семерикин. — Если вы из нашей структуры…

— А это уже, Борис Игоревич, не ваше дело, — выражение лица кагэбиста вдруг стало жёстким, а в голосе появились металлические нотки. — Позвольте мне самому решать, где мне будет удобно беседовать, а где нет. Ваша задача вывести девчонку из ООН и на время оставить нас наедине. После окончания беседы, вы сможете тем же путём вернуть её назад.

— Но что я скажу Лидочке? Как я ей это объясню?

— Ничего ей не нужно объяснять. Просто скажете, что один хороший человек хочет с ней поговорить. Думаю, что после нескольких лет заключения она будет только рада выйти на свободу, хотя бы и на несколько часов.

— Но я не смогу её вывести за ворота, без специального пропуска и разрешения вышестоящего начальства, — вспомнив главное, вновь попытался возразить майор. — А мы, если вам известно, подчиняемся непосредственно Москве.

— Могу вас заверить, что ни разрешение, ни пропуск вам не понадобятся. Вам лишь нужно сказать своей подопечной о том, что у неё есть возможность совершить прогулку, где её ждёт встреча с интересным человеком. Всё остальное девчонка устроит сама. Главное, чтобы вы всё время были ря-

дом с ней, а дальше, как говорится, дело техники.

— Ну хорошо, а если она вдруг сбежит? — осторожно поинтересовался Семерикин. — Тогда уж меня точно посадят вместо неё.

— Это вы, уважаемый Борис Игоревич, себе льстите, — губы полковника растянулись в неприятной, язвительной усмешке. — В ООН вас никто не посадит. Вы будете сидеть так же, как и все простые смертные, на обычной зоне и жрать ту же самую баланду, что и другие зэки. Но ведь лучше сидеть как порядочный семьянин, чем как насильник и растлитель малолеток. С такими вы сами знаете, что обычно делают на зоне…

От этих слов у майора закипела кровь, а в глазах вспыхнул недобрый огонёк. Увидев состояние Семерикина, Иван Иванович поспешил его успокоить:

— Да не переживайте вы так, Борис Игоревич, это я так шучу. Поверьте мне, всё будет нормально. Уверяю вас, что никуда девчонка от меня не сбежит, и вы её в целости и сохранности без проблем вернёте на место.

Майор ещё некоторое время сидел молча, обдумывая предложение полковника. Даже если тот и блефовал, то очень умело и правдоподобно. «Ну и чёрт с ним, — наконец решил для себя Борис Игоревич. — Главное, мне не нужно бегать по инстанциям, добиваясь абсолютно нереалистичной цели. Если, как говорит этот полковник, всё должна сделать Лидочка, то так и быть, можно попытаться. Ну, а если не по-

лучится…» Додумывать до конца он не стал, а лишь чуть слышно произнёс:

— Хорошо.

— Вот и замечательно, — улыбнулся Иван Иванович, тогда ждите моего звоночка…

Праздник восьмого марта в семье Семерикиных в этот раз прошёл не очень весело, даже несмотря на поход в кино, а затем и в кафе «Мороженое». С утра весёлая и нарядная Тамара, глядя на своего задумчивого супруга, пытающегося всячески показать, что у него тоже хорошее настроение, также немного приуныла. Только Антошка, посмотрев очередной индийский боевик и съев большую порцию мороженого, казалось, был всем доволен и не замечал изменившегося настроения родителей. Вечером Тамара всё же попыталась разговорить своего супруга, но тот, сославшись на неприятности на работе, не стал ничего объяснять. Спрашивать же о том, что происходит на службе у главы семьи, в семье Семерикиных было непринято. Борис Игоревич, ещё только устраиваясь на объект особого назначения, сразу предупредил жену, что это секретное учреждение и чем там занимается её муж, знать ей не положено.

Девятого марта, выйдя на службу, майор, как обычно, взяв для конспирации книгу из библиотеки, поспешил в камеру номер девять. По пути он бросал подозрительные взгляды на охранников, не первый год работающих в ООН, пытаясь определить, кто же из них мог сдать его кагэбисту. «Надо

бы потом покопаться в их личных делах, — подумал Семерикин, стоя уже у двери камеры. — Возможно, там я отыщу подсказку на свой вопрос… Но что потом делать с предателем? Ладно… всё потом. А сейчас…» Щёлкнул массивный дверной замок, надёжно блокирующий толстую бронированную дверь в нескольких местах. Дав знак охраннику, что тот свободен, майор вздохнул и, предвкушая приятную встречу, вошёл внутрь камеры.

Глава 7

Город Светловск, май 1972 года

— Здравствуйте, — поздоровался мой друг Кеша, подойдя к нам. Лицо его, конечно, изменилось из-за того, что он сбрил усы, но вот его голос я узнал бы из сотни, а то и из тысячи голосов. Я уже хотел было весело поприветствовать своего пропавшего без вести друга, но что-то неуловимое в его поведении меня насторожило, и я решил пока что помолчать. — Вы, если я не ошибаюсь, Наталья Сергеевна? — обратился Иннокентий к Копыловой, игнорируя мой вопросительный взгляд.

— Совершенно верно, — ответила та, внимательно рассматривая незнакомца. Наталья, конечно же, не застала Серёгина у нас в «Осот», так как пришла в особый отдел уже после того, как Кешу перевели куда-то в другое место.

— Капитан госбезопасности Белов Андрей Андреевич, — отрекомендовался Кеша, и я понял, что он играет какую-то свою, неведомую пока мне, игру. «Ладно, „Андрюша“, подождём, что ты нам ещё скажешь», — мысленно улыбнулся я. — Меня прислал за вами полковник Трошин, — пояснил Белов-Серёгин.

— Очень хорошо, — наконец-то улыбнулась Копылова. — А это мой папа, Сергей Кузьмич, и Витя, — Наталья ука-

зала головой в мою сторону.

— Ваш сын? — словно между прочим, поинтересовался Кеша, пожав руку старику и переводя на меня сосредоточенный взгляд.

«Да не бойся ты, не выдам я тебя, — мысленно поддержал я Серёгина. — Ну, Белов, так Белов, мне-то что?.. — вслух же, вместо Натальи, которая почему-то вдруг покраснела, как раннеспелый томат, я ответил:

— Нет, я племянник тёти Наташи.

Сказал и лукаво улыбнулся Иннокентию, мол, не один ты здесь такой конспиратор. Мы ведь с Копыловой в спешке как-то упустили из виду тот момент, что мне же нужно будет как-то себя позиционировать перед незнакомыми людьми. Мы ведь ехали в Светловск, можно сказать, неофициально и не сообразили, что мне потребуется какая-то легенда. Теперь вот из-за этого мне пришлось импровизировать.

— А это не у тебя ли имеется экстрасэнсэри пэсепшн[3]? — улыбнулся мне в ответ мой друг, протягивая и мне ладонь для рукопожатия.

— Мэй би[4], — ответил я и с удовольствием пожал Кеше руку.

— Силён! — оценил друг моё по-мужски крепкое рукопожатие. Копылова окинула нас с Иннокентием заинтересованным взглядом, но ничего не сказала.

---

[3] Extrasensory perception — экстрасенсорное восприятие (англ.)

[4] May be — возможно (англ.)

— Ну что ж, пройдёмте в машину. Разрешите взять ваши вещи.

Серёгин, не дожидаясь разрешения, подхватил чемоданы Сергея Кузьмича и Натальи и бодро зашагал к зданию вокзала. Я подхватил с платформы свою небольшую ношу, и мы поспешили вслед за нашим проводником. Пройдя по просторному залу, мы вышли с противоположной стороны и подошли к белому «Жигулёнку» первой модели, который в народе обычно называли «Копейкой». Иннокентий уложил наши вещи в багажник, а когда машина тронулась с места, сказал:

— Мы сняли для вас два номера в гостинице «Советская». Один двухместный для мужчин и одноместный для женщины. Номера находятся на одном этаже, только в разных концах коридора, — Серёгин бросил в зеркало заднего вида беглый взгляд на Наталью, которая села вместе со мной на заднем сиденье и продолжил пояснения: — В гостинице есть ресторан, а рядом — небольшое кафе, где вы всегда сможете перекусить. В ресторане, конечно, вкусно, но дорого, в кафе дешевле, но и кухня там, как по мне, не очень… А вот если вы захотите поесть сытно и дёшево, то я вам рекомендую «Блинную». Она хоть и расположена чуть дальше, чем кафе, но зато там готовят не только вкусные блинчики, но и всевозможные первые блюда.

— Хорошо, мы учтём, — ответила за всех Копылова. Она так же, как и мы с Сергеем Кузьмичом, вертела головой то

вправо, то влево, рассматривая утопающий в цветах и майской зелени Светловск.

При помощи Кеши мы быстро заселились в двухэтажную гостиницу. Пока мы с Копыловым раскладывали вещи и привыкали к новому жилью, мой друг стоял у окна и делал вид, что любуется окрестностями.

— Ну, так где находится ваша блинная? — спросила у него Наталья, входя к нам в номер.

— Я вас с удовольствием туда отвезу, — Иннокентий, наконец, повернулся к нам лицом. — Товарищ полковник прикомандировал меня к вам на всё время вашего пребывания в Светловске, так что и я, и моя машина к вашим услугам.

— А я слышал, что у вас в городе есть хороший зоопарк, — сказал я, обращаясь к нашему гиду, когда мы вновь вышли на улицу. День сегодня выдался солнечным, и я так же, как и Копылов, не стал надевать пиджак, а остался в одной рубашке и брюках.

— Да, есть. Только тебе нужно сначала как следует подкрепиться.

— Ну вот на счёт этого вы особо не волнуйтесь, — иронично хмыкнула Наталья. — Витя у нас практически ничего не ест.

— Это как же?! — неподдельно удивился Кеша. Конечно же, с момента нашего расставания прошло немало времени, и он многого обо мне не знал.

— Ну, вот, как-то так, — улыбнулась Копылова и потре-

пала своей маленькой ладошкой мои волосы. — Будет возможность, Витя сам вам всё объяснит.

— Хорошо, — не стал возражать Белов-Серёгин, а я, немного подумав, сказал:

— Тёть Наташ, ну чего я буду сидеть в душном помещении и смотреть, как вы едите. Можно, пока вы будете кушать, дядя Андрей свозит меня в зоопарк?

Наталья задумчиво посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Кешу. Она знала меня довольно хорошо и вряд ли могла поверить, что мне действительно будет интересен просмотр зверушек. Но с другой стороны, она, видимо, решила, что я просто серьёзно играю свою роль ребёнка, а потому, что-то прикинув в голове, сказала:

— Ну что ж, если Андрей Андреевич не будет возражать…

— Ну что вы, конечно же, не буду, — заверил женщину Серёгин. — Пусть малец прогуляется немного, засиделся, небось, пока сюда добирались?

— Ладно уж, поезжайте, — всё же с некоторым сомнением в голосе разрешила Копылова.

«Вот и чудненько», — обрадовался я. Лучшего расклада нельзя было и придумать. Ведь я не случайно вспомнил про Светловский зоопарк. Сидя в гостинице, мне уж точно не удалось бы толком пообщаться со своим другом.

— А вот и «Блинная», — сообщил Серёгин, останавливая машину.

— Спасибо вам, — поблагодарила его Наталья, выходя из «Жигулей». — Дорогу мы запомнили, так что можете не торопиться. Смотрите зверушек, а мы обратно в гостиницу доберёмся сами. Заодно и город посмотрим не из окна автомобиля, а, так сказать, в полную величину.

— Как скажете, — весело ответил Иннокентий и подмигнул мне в зеркальце.

Дождавшись, когда семья Копыловых скроется за дверью столовой, он повернулся ко мне всем корпусом и произнёс:

— Ну, привет ещё раз, чертяка! Не думал, что мы с тобой ещё когда-нибудь свидимся. — Я не удержался и, поддавшись вперёд, крепко обнял своего друга за шею. — Силён, силён! Вижу, что времени зря не терял, — прохрипел Кеша, которого я продолжал сжимать в своих объятиях. — Да отпусти уже, задушишь…

Не выходя из машины, я быстро перебрался на переднее сиденье, и автомобиль вновь тронулся с места.

— Ну, давай, рассказывай, как ты? — Серёгин притормозил в паре кварталов от «Блинной» и выключил двигатель.

— Нет уж, дяденька, — шутливо возразил ему я, — обещали пацану показать зоопарк, так будьте любезны — показывайте. А то он приедет в гостиницу и не сможет рассказать своим «родственникам» ни про одну зверушку. Думаю, у нас там будет возможность нормально пообщаться, — добавил я уже деловым тоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.